ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Суббота, 1 мая 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР № 23 (659)

Рис. П. КАРАЧЕНЦОВА.

ПРИВЕТ РАБОТНИКАМ НАУКИ И ТЕХНИКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ, ЧЕСТНО ВЫПОЛНЯЮЩИМ СВОЙ ДОЛГ ПЕРЕД СОВЕТСКОЙ РОДИНОЙ!

Из первомайских лозунгов ЦК ВКП(б).

Первое мая

Сотни миллионов рабочих и трудящихся во всем мире празднуют день Первого мая — праздник международной солидарности трудящихся, боевой смотр революционных сил международного пролетариата. Это — день грозной боевой переклички пролетарских колонн, штурмующих капиталистический мир. Могучее дыхание мировой социалистической революции колышет красные полотнища первомайских знамен — недаром буржуазия так страшится первомайских революционных демонстраций и забастовок, недаром фашистские и полицейские псы в капиталистическом мире со звериной яростью набрасываются на первомайские колонны.

Первого мая за рубежами нашей страны на улицы капиталистических городов выйдет многомиллионная армия пролетариев, возглавляя колонны народного фронта борьбы против империалистической войны и фашизма, демонстрируя преданность великим и действенным лозунгам Коммунистического Интернационала.

Полтора года назад VII Конгресс Коммунистического Интернационала в своих решениях записал великие лозунги народного фронта — эти полтора года блестяще показали правильность политики мирового коммунизма. Твердыни народного фронта в Испании героически противостоят напору фашистских мятежников и фашистских интервентов, бойцы народного фронта наносят международному фашизму сокрушительные удары под Гвадалахарой, на подступах к Мадриду, в секторе Харамы; практическое осуществление политики народного фронта дало возможность французским рабочим отбить нападение фашизма; в Китае успешно продвигается вперед дело создания единого национального фронта против японских империалистических захватчиков. Вопреки яростному сопротивлению реакционных вождей II и Амстердамского интернационалов, все более крепнут и растут в международном рабочем движении силы, отстаивающие единство рабочего класса в борьбе с фашизмом и реакцией.

Огромные успехи коммунистических партий во всем мире, находящие свое выражение в частности в удвоении и утроении за последние годы их численности, успехи организуемого по инициативе и при руководящем участии коммунистов единого пролетарского и народного фронта, серьезные поражения германского, итальянского, японского и французского фашизма — все эти события последних лет знаменуют исторический перелом в соотношении сил между пролетариатом, с одной стороны, и фашистской буржуазией — с другой, в пользу сил международного революционного движения. Могучую поступь великой армии труда не остановит ни свирепый террор фашистских палачей, ни пытки в фашистских застенках, ни тайные убийства революционеров, ни подрывная, разлагательская работа международной шайки наемников фашизма — троцкистских провокаторов. Фашистским заправилам не удастся сломить боевой энергии и революционной ярости масс, ведущих историческую борьбу за счастье человечества. Первомайские демонстрации в капиталистических странах покажут во весь рост могучие силы революции, растущую мощь единого фронта борьбы против фашизма и империалистической войны.

В день Первого мая мысли всего трудового человечества будут обращены к нашей стране, стране победившего социализма, родине великой социалистической демократии. Имя СССР вдохновляет миллионы бойцов коммунизма. Это имя священно для каждого трудящегося, ибо опыт борьбы и победы трудящихся Советского Союза ярким светом освещает исторические пути освобождения человечества от капиталистического гнета. Великая Пролетарская революция в СССР, обеспечившая победу социализма в огромной стране, — неразрывная часть мировой революции, рабочий класс СССР — ударная бригада мирового рабочего движения, доказавшая всем опытом своей двадцатилетней героической борьбы историческую правильность учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, воздвигнувшая на шестой части земного шара величественное здание социалистического общества. На страницах Сталинской Конституции СССР записаны великие завоевания социализма — и каждое из этих завоеваний есть достояние не только советского народа, но и всего трудового человечества, борющегося за социализм.

Вот почему в день Первого мая над колоннами демонстрантов в капиталистическом мире будут реять знамена со словами приветствия и любви к социалистическому государству рабочих и крестьян. Вот почему на первомайских знаменах трудящихся СССР мы напишем лозунги братства и солидарности с бойцами антифашистского фронта трудящихся во всем мире.

Счастливый народ социалистической страны, — рабочие и колхозники, отважные юноши и девушки, бойцы могучей и непобедимой Красной армии выйдут на первомайскую демонстрацию, полные великой радости победителей, горячей любви к социалистической родине, преданности ленинско-сталинской партии, передовому отряду трудящихся СССР

Первое мая тысяча девятьсот тридцать седьмого года мы празднуем в преддверии третьей пятилетки, досрочно выполнив второй пятилетний план по важнейшим отраслям народного хозяйства Мы завершили техническую реконструкцию народного хозяйства, превратив нашу страну в могучую индустриальную державу добившись крупнейших успехов в развитии социалистического хозяйства, обеспечив могучую базу обороны нашей родины. Огромный размах творческой энергии масс, расцветшей в условиях социалистического строя, успешное развертывание борьбы за социалистическую производительность труда, под'ем благосостояния и бурный рост культуры многонациональной советской страны, невиданный взлет политической активности социалистического народа — вот факты, которые наполняют радостью и гордостью наши сердца. Гордость и цвет страны, новые люди социалистического общества — ударники и стахановцы — приходят на первомайскую демонстрацию с замечательными показателями новых успехов в производстве; славные бойцы Красной армии, любимцы страны — боевые пограничники демонстрируют свои успехи в деле боевой подготовки и политической учебы, успехи, обеспечивающие сокрушительный отпор любому капиталистическому врагу; огромная армия работников культуры, писателей, артистов, художников, музыкантов по праву гордится завоеваниями последних лет — расцветом культуры и искусств в национальных республиках, победами наших музыкантов на международных конкурсах, достижениями таких замечательных театральных коллективов, как орденоносный Московский Художественный театр им. Горького, поразительными успехами юных музыкальных талантов, новыми книгами советских писателей.

Первое мая тысяча девятьсот тридцать седьмого года знаменовано замечательной победой — построен канал Волга—Москва — одним из самых изумительных сооружений второй сталинской пятилетки. Большевики меняют географию. Невозможно исчислить, какие поразительные изменения вносит канал в хозяйственную жизнь страны, связывая столицу Советского Союза с великой водной магистралью европейской части страны.

Первого мая пароходы с Волги пришвартуются у Химкинского речного вокзала.

Грандиозный размах хозяйственного строительства, рост благосостояния широких народных масс, расцвет социалистической культуры, широкое развертывание советской демократии — все это завоевано в ожесточенной борьбе с врагами трудового народа. Мы строим и укрепляем социалистическое общество в условиях капиталистического окружения, готовящего войну против СССР и засылающего к нам шпионов, вредителей, диверсантов; мы завоевываем все новые и новые высоты, преодолевая отчаянное сопротивление осколков разгромленных эксплоататорских классов. Наиболее злобные и оголтелые враги народа, троцкистско-бухаринские наемники германского и японского фашизма, использовав политическую беспечность, ротозейство и благодушие некоторых руководителей, наносили подлые, предательские удары по нашему хозяйству, вредили и гадили, где только могли, шпионили, устраивали поджоги и взрывы, готовили покушения на вождей советского народа. Они нанесли немалый ущерб нашему хозяйству, выполняя заказ своих фашистских хозяев. Мы должны покончить раз и навсегда с бандой проклятых изменников родине.

Вот почему на первомайских знаменах написаны лозунги, об'единяющие всех честных трудящихся нашей страны: «Усилим революционную бдительность! Покончим с политической беспечностью в нашей среде!», «Искореним врагов народа, японо-германо-троцкистских вредителей и шпионов! Смерть изменникам родины!».

За рубежами нашей родины, там, где борются миллионы бойцов народного фронта, пока еще господствуют непримиримые и жестокие враги социализма. Фашистские псы капитализма, чью власть упорно подтачивают успехи мирового революционного движения, готовят новые кровопролитные войны, в первую очередь войну против Советского Союза. Советская страна, ведущая неуклонно политику мира, об'единяющая в этой борьбе за мир все передовое, прогрессивное человечество, спокойно смотрит на гнусную возню поджигателей войны, бешено вооружающихся за счет ограбления трудящихся масс. Великая советская держава не боится ничьих угроз. Она готова ответить громовым ударом на удар врага. Советский народ горячо приветствует в день Первого мая свою могучую Красную армию, ее молодых бойцов, дающих в этот день торжественное обещание честно и преданно служить своей великой родине. Советский народ будет и впредь со страстью и энтузиазмом работать над дальнейшим укреплением обороноспособности нашей страны, над повышением ее хозяйственной мощи, обеспечивающей, вместе с боевой мощью Красной армии, победу в боях со всяким, кто посмеет на нас напасть. В этих боях советской стране обеспечена также поддержка и помощь всего трудового человечества, всех честных и прогрессивных людей во всем мире.

Пусть прислушается весь мир к грому наших оркестров, к звукам наших песен, к стальному клекоту наших боевых самолетов, к тяжкому грохоту наших танков на первомайских парадах, к голосам советского народа, приветствующего на бесчисленных демонстрациях своего великого вождя товарища Сталина. Эта величественная симфония первомайского праздника могучего социалистического народа, тесно сплоченного вокруг партии Ленина—Сталина, готового к новым боям и новым победам, прозвучит далеко за пределами нашей страны, вселяя радость в сердца наших друзей, вызывая злобу и ужас наших врагов

Мы празднуем наш первомайский праздник с твердой уверенностью в грядущей победе над капитализмом во всем мире, с готовностью бороться и побеждать во имя торжества коммунизма!

М. ИСАКОВСКИЙ

Песня о Сталине

Шумят плодородные степи,
 текут многоводные реки,
Весенние зори сверкают
 над нашим счастливым жильем...
Споем же, товарищи, песню
 о самом большом человеке,
О самом родном и любимом, —
 о Сталине песню споем.

За нашу счастливую долю
 он шел через все непогоды.
Пронес он заветное знамя
 над всей необ'ятной землей
Вставали поля и заводы,
 и шли племена и народы
На зов своего полководца,
 на смертный, решительный бо

В глазах его ясных и чистых,
 как светлую воду в колодце
Черпали мы бодрость и силу
 на нашем пути боевом...
Споем же, товарищи, песню
 о самом большом полководц
О самом бесстрашном и сильно
 о Сталине песню споем.

Согрел он дыханием сердца
 полярные ночи седые,
Раздвинул он горы крутые,
 пути проложил в облаках.
По слову его молодому
 сады зашумели густые,
Забила вода ключевая
 в сыпучих горячих песках.

Как солнце весенней порою,
 он землю родную обходит,
Растит он отвагу и радость
 в саду заповедном своем..
Споем же, товарищи, песню
 о самом большом садоводе,
О самом любимом и мудром, —
 о Сталине песню споем.

Границы от вражьих нашествий
 заделал он в броню литую,
Закрыл их стальными ключами
 великих и славных побед.
В могучем Союзе Советов
 он книгу нашел золотую,
Которую люди искали,
 наверное, тысячу лет.

И силу, и юность, и славу
 он дал нам на вечные веки,
Зажег нерушимые зори
 над нашим счастливым жильем...
Споем же, товарищи, песню
 о самом родном человеке,
О солнце, о правде народов, —
 о Сталине песню споем.

О награждении члена редакционной коллегии газеты «Правда» т. Мехлиса Л. З.

Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР

Центральный Исполнительный Комитет СССР **постановляет:**

В связи с 25-летием газеты «Правда» **наградить** члена Редакционной Коллегии газеты т. **Мехлиса Л. З. орденом Ленина.**

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета СССР И. АКУЛОВ.

Москва, Кремль. 26 апреля 1937 г.

ВЫСОКИЕ НАГРАДЫ

Постановлением ЦИК СССР от 27 апреля 1937 года—за выдающиеся успехи в области театрально-художественного творчества **Московский Художественный Академический театр имени М. Горького награжден орденом Ленина.**

Постановлением ЦИК СССР от 28 апреля с. г. — заслуженным артистам республики, артистам МХАТ им. Горького тт. **Н. П. Хмелеву, А. К. Тарасовой и Б. Г. Добронравову присвоено звание народного артиста СССР.**

Братский привет рабочим Испании, ведущим героическую борьбу против фашизма и иностранных интервентов. Да здравствует народный фронт в Испании! Долой явных и скрытых врагов народного фронта!

Из первомайских лозунгов ЦК ВКП(б).

МОБИЛИЗУЕМ СИЛЫ НА БОРЬБУ С ФАШИЗМОМ!

Томас Манн

Ни малейшей слабости по отношению к убийцам!

Со всей живостью принимаю душевное участие в совещании, созываемом Комитетом народного фронта, и желаю от всего сердца, чтобы обсуждение внесло ясность в жгучие для нас проблемы.

Основная задача состоит в выработке платформы, которая создала бы возможность совместного сотрудничества для всех немцев в Германии и вне ее, преисполненных доброй волей и тоскующих по стране, которая действительно заслуживала бы названия германской.

Надо восстановить в правах идеи свободы и гуманизма, которые сегодня фашисты отрицают и обливают грязью; ибо только на эти идеи может опираться новая Германия, ибо только они воплощают мечты, воодушевляющие сегодня германский народ.

Я считаю себя единомышленником германского народного фронта и сторонником такой свободы, которая сумеет постоять за себя, и такого гуманизма, который не проявит ни малейшей слабости по отношению к убийцам.

Приветственное письмо парижской конференции Комитета германского народного фронта.

Жан Кассу

Мы с теми, кто стремится к освобождению человека

Есть люди, для которых «свобода духа» измеряется яростью, с которой говорят о СССР. Мы очень спокойно отвечаем, что не последуем за ними по этому пути.

Я должен признать, что жизнь и созидательная работа СССР изучаются и будут изучаться в «Эроп» со спокойным доверием.

Если мы присоединяемся к какой либо деятельности, то для того, чтобы она получила самые широкие и самые действительные возможности осуществления. Первостепенным фактором такого осуществления является СССР, его существование и защита.

То же относится к Испании и к любому месту на земле, где стремятся к освобождению человека.

Действенная солидарность связывает их между собою, и она должна быть тем более бдительной, что фашистская угроза растет. Фашизм стремится ввергнуть в пропасть все наши надежды, навсегда отдалить осуществление наших планов.

Фашизм, наступление которого все усиливается, вынуждает нас сделать выбор между этой волей к единству и отчаянием. Мы не хотим отчаиваться, и мы хотим единства.

Дело в том, чтобы понять наши возможности и обеспечить их осуществление, дело в том, чтобы призвать к об'единению самые различные элементы, обладающие силой и доброй волей.

Наше внимание должно быть обращено туда, где вопрос стоит о революции. Именно внимание, а не просто наши споры, наша моральная чувствительность, наша душевная чистота, наша добродетель.

Повсюду, где жизнь готова уничтожить пагубное прошлое, где она утверждается и осуществляется в положительных ценностях (как в СССР и в Испании), мы должны спешить оказать ей поддержку.

Из статьи, написанной от имени редакции «Эроп».

Генрих Манн

Народный фронт против фашизма и войны

Идея народного фронта прорвала заградительные цепи гестапо, наши воззвания распространяются в Германии. Из уст в уста шопотом ведется пропаганда, поддерживаемая живым примером французского и испанского народного фронта, — пропаганда шопотом, пропаганда письменная, пропаганда через радио за великое об'единение нашего народа против Гитлера, ведущего Германию к военной катастрофе... Идея народного фронта является уже сегодня надеждой и уверенностью многих тысяч трудящихся в Германии. Но лишь теперь эта идея начинает воплощаться в жизнь. Народ не хочет приносить больше жертв гитлеровскому военному безумию.

Что же является целью германского народного фронта, обладающего громадной силой для об'единения всего народа, для освобождения Германии от господства поджигателей войны и тиранов?

Мы собрались здесь сегодня как представители германских антифашистских бойцов. Бросив взгляд на состояние нашей, порабощенной Гитлером, страны, мы видим бесспорно растущие трудности нашего врага, врага мира и свободы. Хозяйственные резервы его растрачены на сумасшедшие вооружения. Военный престиж его крепко потрясен героическим сопротивлением испанской народной милиции. Гвадалахара разрушила легенду о непобедимости фашистских легионов. Да и хозяйственные способности Гитлера остаются для немецкого народа лишь легендою.

Гитлер, который все растратил на военные вооружения, выбрасывает сегодня еще сотни миллионов на генерала Франко. Испания целиком разоблачила Гитлера и его систему: с хозяйственной точки зрения это — банкротство, с военной — поражение, с социальной — развал; его солдаты дезертируют, ибо они не верят в гитлеровскую систему.

Недавно Гитлер жаловался по поводу заявления английского министра иностранных дел Идена о том, что гитлеровское правительство ведет политику собственной изоляции. Не является ли однако военная интервенция в Испании неприкрытой провокацией всего миролюбивого человечества? Среди германского народа раздаются вопросы: «Чего, собственно, искать нам в Испании?» Германскому народу — нечего. Но, конечно, другое дело для клики, владычествующей над ним, для реакционных капиталистических сил, порабощающих и разоряющих германский народ.

Может ли хоть кто-либо после испанского примера сомневаться в том, что гитлеровский фашизм готовит войну и против других демократических стран, против Чехословакии, Франции и против СССР? Так толкает Гитлер германский народ к ужасным несчастьям войны, которая может закончиться лишь еще худшим поражением, нежели в 1918 году.

Так толкает Гитлер Германию к катастрофе.

Борьба против войны Гитлера в Испании является в такой же степени делом германского народа, как народа испанского... В Испании воюют батальоны молодой народной армии против Франко и фашистских захватчиков, добиваясь поражения Гитлера. Перед лицом героев Мадрида и Гвадалахары немецкие антифашисты несут великую ответственность перед Германией и всем миром: они должны все сделать, чтобы разжечь пламя отпора фашизму в самой Германии! Наш долг — отдать все наши силы для об'единения германского народа против общего врага.

Сегодня мы замечаем признаки все растущего в германском народе массового отпора все усиливающемуся гнету вооружений и фашистского насилия. Мы видим совершенно новые формы этой борьбы и героизма, которые учат массы, несмотря на величайшие трудности, вести совместную борьбу за свои интересы и права. Я хотел бы привести некоторые лишь примеры того, как развивается сегодня борьба за мир и свободу в нашей стране. В Берлине рабочие-металлисты требуют повышения сдельной оплаты и уменьшения многочисленных вычетов. В Рурской области горняки, благодаря товарищеской спайке, завоевали право выделения рабочих представителей при установлении твердой заработной платы. В этом движении принимали участие бывшие штурмовики.

В Ольденбурге народное движение против мероприятий фашистской власти было тесно увязано с движением крестьян против мероприятий принудительного порядка, относящихся к военно-хозяйственным заданиям... Во Франкенгольце под давлением народного фронта арестованные были выпущены, и следствие против них прекращено. В деревнях учащаются случаи противодействия крестьян принудительным поставкам и недостойным контрольным мероприятиям, значительное число крестьян заявляет протесты против высоких налогов и податей.

Собрания, демонстративно выражавшие одобрение речи профессора Зауэрбруха на Дрезденской конференции врачей, были видимым выражением тоски по свободе научного исследования. Взрыв аплодисментов в Берлинском театре во время спектакля шиллеровского «Дон Карлоса» лишь свидетельствует о том, что в германском народе живо его лучшее прошлое, свободолюбивое наследие немецкой классической литературы.

Стремление к народным правам, к свободе, к социальной справедливости — вот что является общим для всех этих выступлений.

★

Разрешите, дорогие друзья, сделать следующий вывод: Гитлер влечет Германию к военной катастрофе. Это ставит перед немецким народом вопрос о судьбе нашего отечества. Поэтому задача германского народного фронта состоит в том, чтобы бороться против гитлеровской политики войны, против невыносимых тяжестей вооружения и принудительных военных мероприятий, — за сохранение мира. Эта борьба за мир, которая спасет и нашу молодежь от гибели, отвечает действительным национальным интересам германского народа. Сохранить мир и избавить миллионы людей от невероятных страданий войны возможно, если Гитлер будет свергнут прежде, нежели он сможет зажечь пожар войны.

Всякая оттяжка войны путем укрепления международных сил мира, всякий военный успех испанской народной армии в борьбе против войск интервентов, всякое сопротивление немецких народных масс — наиболее благоприятные возможности для победы над врагом народа — Гитлером.

Великая и единственная цель борьбы всех друзей мира и свободы в Германии — это демократическая народная республика. В этой демократической народной республике германский народ будет сам свободно решать свою судьбу. Он истребит с корнями фашизм. Он не повторит ошибок и слабостей 1918 года, имевших тяжелые последствия, а создаст крепкую народную власть против врагов народной свободы. Лично я хочу добавить, что я никогда, и во времена Веймарской республики, ничего другого не желал.

Только германский народный фронт будет той силой, которая развяжет в массах придавленные фашизмом свободолюбивые порывы и об'единит в великом народном движении. Только германский народный фронт может завершить дело об'единения народа против Гитлера. Только германский народный фронт будет олицетворением свободного и более счастливого будущего Германии.

Из речи, произнесенной на конференции Комитета германского народного фронта в Париже.

Оскар Мария Граф

Подлинная и надежная гарантия мира

— Это собрание — манифестация людей, пожелавших выразить свою искреннюю симпатию к достойной восхищения Советской стране и ее счастливым народам.

Почему Советскому Союзу выражают такую симпатию? Отчего во всех странах мира многочисленные и различные общественные слои все с большой заинтересованностью, с большой напряженностью, с большим рвением следят за развитием социалистического союза народов?

Этот союз освобожденных народов на одной шестой мира является всемогущим доказательством того, что бессмертные идеи свободы и социальной справедливости, прогресса и гуманизма могут быть реализованы...

Подумайте же, почему советские люди преисполнены такой любовью к своей великой и богатой родине? Когда Ленин призвал их, они пошли в последний бой и совершили чудо победоносной Октябрьской Революции.

Никто не может отрицать сегодня, что две гигантские пятилетки Сталина привели отсталую в прошлом страну к высочайшей цивилизации. Сельское хозяйство, промышленность, техника, пути сообщения, народное образование, вся жизнь в Советском Союзе достигла ни с чем несравнимого под'ема в темпах, достойных удивления. Советский человек не знает нужды, он не боится будущего, перед ним открыты все возможности.

Отсюда его мужественный оптимизм и огромная радость жизни.

Во время моего пребывания в СССР я видел этот тип советского человека.

Советские народы с полным правом могут называть свою страну «родиной всех трудящихся». Они завоевали ее и построили так, что она может с честью носить это имя.

Советский патриотизм не имеет ничего общего с узколобым шовинизмом.

Могущественное советское государство — самая подлинная и надежная гарантия мира. Поэтому симпатии всякого свободолюбивого человека должны принадлежать ему.

Из речи, произнесенной на антифашистском собрании в Праге.

Эрнст Толлер

Мы хотим неделимого мира

— Вспомните годы в окопах у Вердена, во Фландрии и у Ипра, когда мы называли войну «крупным мошенничеством» и клялись вернуться на родину для того, чтобы создать свободную Германию, управляемую свободными и ответственными гражданами.

Мы вернулись и создали Германскую республику.

Но у Республики было слишком много республиканцев, обладавших плохой совестью. У Республики было слишком много социалистов, не имевших никакого доверия к социализму. У Республики было слишком много вождей, опиравшихся на силы прошлого, а не на народ, носителя будущего.

Слишком поздно стали мы зрячими.

Гитлер превратил Германию в военный лагерь, для него марширующие ноги важнее разума; в своей стране он раздувает военный пожар, он инспирировал фашистский мятеж в Испании и поддержал его оружием и немецкими солдатами. Он отравляет немецкий народ и немецкую молодежь: «Смысл жизни—это смерть» говорит герой в одном из фашистских агитационных фильмов. Это голос врага цивилизации, «противника Европы и человечества».

Ложь и еще раз ложь начертаны на пути национал-социалистской партии. Ко лжи присоединяются концентрационные лагери, тюрьмы и топор палача.

Многие молодые люди, которые честно и мужественно боролись за свободную Германию, убиты...

Я хочу здесь напомнить об одном немецком писателе, о Эрихе Мюзаме.

В ночь с 27 на 28 февраля 1933 г. после пожара рейхстага виновники поджога арестовали его. В течение трех лет его пытали морально и физически в концентрационном лагере. Его поставили у стены тюремного двора и угрожали расстрелом, если он не споет фашистского гимна. Мюзам отказался. Они направили ружья на него.

Перед глазами он увидел смерть и начал петь.

Он пел «Интернационал». Фашисты выстрелили, но промахнулись.

Мюзам упал без чувств на землю.

Однажды вечером ему было приказано явиться к коменданту концентрационного лагеря. Он, который отказывался совершить самоубийство, должен был явиться к коменданту с веревкой в руках.

На следующий день сообщили, что Мюзам повесился. Но правда вышла наружу. Мюзам был избит до смерти, и труп его был повешен.

Мы все, а особенно те, кто с раскрытыми глазами и чувствующим сердцем пережили ужасы последней империалистической войны, ненавидим войну и любим мир.

Но мы хотим действительно неделимого мира.

То, что Карл Осецкий, борец за европейский мир, получил Нобелевскую премию, — это моральная победа, которая удваивает наши усилия в борьбе за других заключенных, за тех, кому угрожает смерть. Но Осецкий все еще находится в заключении. Требуйте, чтобы он мог жить свободно там, где он хочет.

На земле Германии росли Гете и Бетховен, Шиллер и Гельдерлин, Бах и Бюхнер, Лессинг и Маркс!

Сегодня она стала добычей злодеев и убийц, но народ восстанет, изгонит тиранов и освободит свою страну от сковывающих ее цепей.

Из речи, произнесенной на антифашистском собрании в Нью-Йорке.

ВИЛЛИ БРЕДЕЛЬ

ПЕРВОЕ МАЯ В ГАМБУРГСКОЙ ВЕРФИ

Сверкало чудесное, ярко-синее майское небо, расточительно сияло солнце. Ты можешь поверить, — я предпочел бы потоки проливного дождя. Я бы не возражал и против ветра, который разогнал бы всех по домам. Угрюмо шел я по улицам и враждебно рассматривал множество развевающихся на домах флагов. С бешенством смотрел я на школьников, которые, распевая национальные песни, шли под надзором учителей в городской парк. Я издевался над продавцами, торопившимися с гигантскими гроздьями красных воздушных шаров или связками флажков со свастикой к центральным сборным пунктам. Когда приближалась музыка или появлялись группы со знаменами, я заворачивал в первую попавшуюся улочку, чтобы не приветствовать их.

Как только я подошел к пристаням и приблизился к месту сбора нашего цеха, я услышал, как мой коллега Хербе, работающий рядом со мной у машины, громко закричал:

— Швартцер! Алло!

Стоя на носках, он тянулся вверх и кричал:

Алло, Швартцер! Он пришел!.. Карл Фишер здесь!

Уполномоченный наци на нашей верфи важно расхаживал вдоль рядов. В руках он держал большую записную книжку. Услышав крик Хербе, он нашел в списках мою фамилию и отметил ее крестом.

— Здорово, Карл! Я уже стал беспокоиться, что ты не придешь. Он три раза о тебе спрашивал.

Я вяло махнул рукой. Наплевать! Действительно, я зря пришел.

Большое пространство перед пристанями было переполнено людьми. Эх,—грустно подумал я, — сколько народу собиралось первого мая раньше! И тогда они приходили добровольно.

Впереди, над головами тысяч людей развевались флаги и знамена. В голове колонны развернули большой красный транспарант с надписью: «С Адольфом Гитлером вперед, к германскому социализму!» Да, — подумал я, — за этим можно итти только по принуждению, подчиняясь грубому насилию, а выглядит это так, как будто мы верим в хлам, который они нам преподносят.

Эх, — продолжал я думать, — промаршировать бы сейчас, как тогда! Десятками тысяч. Сотнями тысяч. Нести наши знамена, петь наши песни... Да, только теперь понимаешь, что потеряно...

В городах других стран звучат сейчас песни свободы и наши лозунги, а здесь — сплошные воинствующие крики; за свободную песнь, за свободное слово — застенок и мучительная смерть!

...Быть сейчас в Москве на Красной площади, — думал я... Только один раз... Ах, только бы раз взглянуть на красноармейцев и красных конников, на тяжелые танки, которые ведут наши товарищи, на бомбовозы и скоростные самолеты, которыми управляют наши товарищи... Только раз... один единственный раз!

И я радовался, вспоминая вечер у дяди Тео. Мы сидели вокруг громкоговорителя: «Слушайте! Слушайте! Говорит Москва!.. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!..»

— Реветь хочется, — несколько раз проговорил дядя Тео, — просто реветь хочется от радости, что существует нечто подобное. Этого они не смогут уничтожить ни топором, ни револьверами, ни самыми смертоносными газами! Против этого они бессильны, сколько бы они ни грозились и ни бесновались. Незначительный поворот рычажка аппарата и... «Говорит Москва!..» Изумительно!

— Внимание! — крикнул Швартцер.—Тише, слушайте! Я имею предписание довести до вашего сведения, что вы можете петь только национальные песни... Смотрите, не устраивайте неприятностей мне и себе...

— Что?.. Что такое? — кричали не расслышавшие его слов.

— Мы можем петь только национальные песни! — отвечали им.

— Или никаких! — добавил кто-то.

— Или никаких?.. Гм!.. — И все уже знали, как поступить.

— Только национальные песни! Да что ты говоришь? Помнишь? Прошлое первое мая мы тоже так выступали. Впереди пели о том, что наступил май и распустились деревья, а сзади с юмором отчаяния распевали нашу старую гамбургскую боевую.

Но им это не понравилось. Они, видите ли, желают слушать национальные песни!

— Петь!.. Петь!.. — надрывались бегающие вдоль рядов распорядители.

Шествуя во главе, играл оркестр.

— Петь!.. Петь!.. Пойте же что-нибудь!..

Но все словно в рот воды набрали. Национальные песни или — никаких. Серьезно, замкнуто, многие даже мрачно, маршировали мы по четверо в ряд по направлению к Гелголендер Аллее.

Национал-социалистские распорядители с нарукавными повязками волновались все сильнее. В конце концов один из них громко запел.

...Выше флаги... теснее сомкните ряды!

Он пел один; никто из нас его не поддержал. Пропев первую строфу, он оборвал, взволнованно набросился на нас и в бешенстве высоко поднял руки, но тотчас же беспомощно опустил их.

Мы не спели ни одной песни... в этом году...

(Из нового романа «Твой неизвестный брат»).

«СТОИТ ЛИ ИМ ЖИТЬ?»

«Стоит ли им жить?» — таково название нового произведения известного американского бактериолога и литератора Поля де-Крюи, печатающегося в апрельской и майской книжках журнала «Молодая гвардия».

«Стоит ли им жить?»—это яркий, темпераментный памфлет против капиталистической Америки. В нем органически сплелись наука, публицистика, художественные образы.

Поль де-Крюи рассказывает об ужасающем положении детей в штате Пенсильвания, «где почти половина всех детей носила на себе следы длительного голодания в этой стране изобилия». Он пишет о голодных детях безработных угольщиков, которые из-за недоедания не могли посещать школу, «в то время как в Средне-западной области, где уголь из-за своей дороговизны недоступен беднякам, молоком поливали асфальтовые дороги, а пшеница и кукуруза, которых не имели горняки, сжигались в котельных и шли на отопление школьных помещений».

Гневом и возмущением звучат его слова, когда он пишет о гибели сотен тысяч людей...

«Для спасения этих миллионов наша система уже не может истратить две сотни тысяч. И я увидел и понял совершенно отчетливо, что наша уродливая, попеременно лопающаяся и надувающаяся, но идущая к верной гибели система не в состоянии разрешить даже вопроса наживы. Я теперь ясно увидел врага...»

В своем памфлете Поль де-Крюи становится на путь борьбы с капитализмом, и это придает его новому произведению особый интерес и остроту.

ЭПТОН СИНКЛЕР

„NO PASARAN!“

Отрывки из новой книги Эптона Синклера, в которой известный американский писатель чрезвычайно убедительно раскрывает интернациональный характер испанских событий, горячо поддерживает движение единого фронта и смело разоблачает зверства и преступления международного фашизма.

Интернациональная бригада

На следующее утро американцев посадили в автобус вместе с измученными старухами-крестьянками и изможденными рабочими, очень приветливыми, но недоумевающими, как можно не понимать простых вещей, сказанных по-испански. По дороге у каждого селения попадались баррикады, их охраняла народная милиция, большей частью молодые крестьянские парни в черных блузах и в черных беретах. Они торжественно просматривали документы пассажиров, хотя видно было, что многие не умеют читать. Шофер автобуса говорил: «Компаньерос американос», и все они улыбались и наперебой трясли американцам руки.

Американцев направили в Альбасете, расположенное в ста милях от границы.

Альбасете был молодой для Испании город — ему насчитывалось примерно сто лет. Здесь занимались производством спичек, а также кинжалов, которые, как это ни странно, до сих пор могли служить оружием на войне. Армия, расквартированная в городе, живущая в палатках или в наскоро построенных бараках, была самой необычной армией во всей истории войн. Идеалисты и мечтатели о будущем человечества собрались из всех стран мира, куда современная техника донесла весть о войне. Никто их не посылал, многие из них должны были хитростью обойти полицейский надзор и уехать в Испанию. Прочитав в газетах о том, что против фашизма началась вооруженная борьба, они покинули свои семьи, дома и работу и отправились в путь на аэропланах, поездах, пароходах. Они потоком стекались в лагерь и, поднимая сжатые кулаки, кричали: «Да здравствуют антифашисты!».

Здесь в лагере обучалось около двух тысяч человек. Примерно половину составляли французы, — они были подготовлены лучше остальных, потому что все побывали в армии; было несколько сот немцев, среди них много евреев, некоторых из них пытали в концентрационных лагерях; несколько сот итальянцев; трое прибыли в тот же день, сбежав с острова-тюрьмы Липари; их приветствовали восторженно и буйно. Были здесь и болгары-лесорубы, около ста человек, которые с невообразимыми усилиями пробрались через все границы врагов. Были здесь добровольцы — представители всех народностей Латинской Америки. Были здесь и португальцы, бельгийцы, чехи, датчане, поляки — вся Европа. Были и англичане — человек сто-полтораста и десяток-два американцев, обрадовавшихся подкреплению, — теперь они могли составить свое звено.

Ни одно звено, ни одна рота, ни один батальон не удовлетворялись номером воинской части; каждая боевая единица хотела носить имя по собственному выбору. У немцев была «колонна Тельмана»; у итальянцев —«батальон Гарибальди»; у французов — «батальон Марти». Американцы голосовали за то, чтобы их звено носило имя «Сакко и Ванцетти».

Интернациональная бригада говорила по-французски, а не по-испански. Из уст в уста передавались рассказы добровольцев-антифашистов о том, как во время мировой войны они были во враждующих лагерях, теперь, в этой новой революционной войне, они — братья.

Такой воинской части литераторов еще не было в истории войны. Здесь были писатели — законченные мастера и начинающие журналисты, репортеры. Одним из командиров в авиационной части был французский романист Андрэ Мальро. Командиром артиллерийской части был немецкий писатель Людвиг Ренн. Начальником отряда итальянцев был Имберто Галлиани, редактор социалистической газеты в Нью-Йорке. Писатель Ральф Фокс — политический комиссар английской роты — жизнерадостный, веселый юноша, вскоре был убит пулей наповал. Инструктором по химической обороне был Ральф Бейтс, автор книги «Оливковая роща».

Добровольцам пришлось спешно обучаться военному делу. Положение было отчаянное: Франко наступал, продвигаясь по нескольку миль в день, и теперь был на расстоянии ружейного выстрела от Мадрида. В любой момент бригада могла получить приказ о выступлении. Четыре дня продолжалось обучение, и наутро пришел приказ о выступлении. Каждый боец должен был знать, за что он сражается, и уметь об'яснить это всякому, даже врагам, если неприятельские траншеи окажутся близко и можно будет переговариваться и убеждать противника бросать оружие.

Звено американцев входило в английскую колонну, которая в свою очередь составляла часть французского батальона. Всем роздали подсумки с патронами, дневной паек, и тысяча девятьсот человек скорым маршем пошли к железнодорожному депо, где их ждали три длинных состава. Огромная толпа горожан и крестьян ждала их; женщины, которые добровольно стирали им белье, теперь проливали слезы и обнимали, как родных сыновей, этих отважных иностранцев. Мальчишки подбирали окурки, делали комические гримасы и, проводя пальцем по горлу, говорили: «Кончайте Франко!» Девушки втыкали красные цветы в дула ружей и кричали «Салют!» и «Виктория!». Вся толпа запела «Интернационал» и, когда посадка затянулась, «Интернационал» спели еще раз.

Бойцы разместились в пассажирских и товарных вагонах, на открытых платформах, и поезда отошли один за другим.

Аэропланы кружат над головой; внезапная ослепительная вспышка, оглушительный звук, напоминающий удар грома, как будто молния упала вблизи. Тучи черного дыма; и когда он понемногу рассеялся, на мостовой лежали раскиданные куски человеческих тел; вот нога в клочьях брюк, кровь льется из нее потоком. Маленький ослик только что нес два мешка дынь, а теперь бойцы проходящих частей скользят по камням в крови ослика и желтой мякоти дынь.

— Вперед! — крикнули командиры, и они пошли дальше. Еще взрыв, на этот раз сбоку от колонны, и фасад высокого дома отделился и, рассыпаясь, обрушился на улицу — кирпичи и известка, сталь и дерево, железная кровать и пухлый диван.

— Кто-то сообщил, что бригада выступила, — заметил сержант Руди Мессер; и остальные согласились. Они слышали о том, что мадридцы называли Пятой колонной армию фашистов в городе, организованную и готовую выступить, как только дрогнут ряды защитников Мадрида.

Германские и итальянские бомбовозы приложили немало усилий, чтобы терроризировать мирное население. Повсюду на улицах зияли воронки, лавки с выбитыми окнами, дома, целые кварталы без стекол. И все же население не бросало работы, отрываясь разве только для того, чтобы приветствовать иностранцев — защитников Мадрида. Люди многое могут претерпеть, когда это необходимо, но были бы удивлены, если бы знали заранее, как много они могут вынести.

На ближайшем берегу реки Мансанарес Интернациональная бригада должна была занять позиции. Траншеи были приготовлены, хорошие траншеи, они были достаточно глубоки для того, чтобы в них стоять, с брустверами из мешков с песком и промежутками между ними для ружейной стрельбы. Женщины Мадрида копали эти траншеи, и они копали даже теперь; с разгоревшимися от работы лицами они распрямлялись, опираясь на лопаты, и приветствовали прибывших героев. У каждой из них было какое-нибудь оружие, иногда только нож на случай нападения марокканцев.

В небе, откуда-то с юга, послышалось гудение аэропланов, они летели низко над траншеями не в обычном порядке воздушного звена, а вереницей, — «Птицы войны», так их называли; было видно, как они сбрасывают яйца: продолговатый темный предмет, ныряющий вниз с воем, за которым следовал оглушительный взрыв. Бум... бум... бум — вдоль всей линии траншей, постепенно приближаясь.

Где же, чорт возьми, наши аэропланы?

Огромной силы удар у траншеи, переполненной людьми, разворотивший мешки с песком и разметавший песчинки с такой силой, что они ослепили бы бойцов, если бы те не закрыли глаза. Что-то упало, но не взорвалось. Они были ошеломлены, но через несколько минут выглянули и увидели торчащий из развороченного бруствера, похожий на оперенье стрелы, стальной хвост бомбы, регулирующий ее падение. Тело бомбы зарылось в песок. Бомба не разорвалась.

Позже, когда наступило затишье, они откопали бомбу. Отнесли и в безопасном месте специалист разрядил ее, внутри бомбы была записка «Ваши братья — рабочие Италии не хотят вас убивать». Весть об этом пронеслась по всей позиции Интернациональной бригады и облетела весь мир, согревая сердца борцов за свободу.

— Им кто-то сообщил о том, что мы на позициях, — сказал Руди. — Целый день они гоняются за нами.

— Послушай, — прошептал Ларри. — Не причастен ли к этому делу Коллинз?

— Чорт побери! — так же тихо выругался Руди. — Мне это и в голову не приходило.

Коллинз появился на пароходе в последний момент. Он был с ними вместе всю дорогу, тихий человечек, не очень разбирающийся в рабочем движении, но кое-что знавший; ничего плохого за ним не замечали, кроме некоторого пристрастия к выпивке, которая была строго запрещена в бригаде. Он был с ними в Альбасете, но во время пересадки с одного поезда на другой отбился, и с тех пор они его не видели.

Если Коллинз был шпионом, то он скрывался в Мадриде. Конечно, у него были адреса, куда направлять сообщения, и члены «Пятой колонны», агенты врага в столице, сумеют его спрятать.

«Больше мы его не увидим», — сказал Руди. Так оно и случилось.

Они надеялись, что воздушная атака кончилась, но аэропланы скоро вернулись. На этот раз они летели низко. Слышался рев моторов и еще другие, более страшные звуки, напоминающие короткие четкие удары клепальной машины, но более частые; ускоренные в семь раз, они производили адский шум. Это был пулеметный обстрел траншей.

Мучительная пытка — стоять на месте, когда вас осыпают дьявольским градом пуль, и ничего нельзя сделать — некуда спрятаться и нет даже стального шлема, чтобы прикрыть голову.

Сержант Руди Мессер взял прицел на двести ярдов; если у него хватит выдержки, он выстрелит, когда аэроплан будет над ним. Он дал по одному выстрелу в каждый аэроплан, изменить прицел не было времени. Крики по всей траншее, один-два вопля, стон где-то совсем рядом, но нет времени оглянуться, надо прицелиться и выстрелить.

Последний аэроплан меньше других и, может быть, хуже защищенный: еще раз прицелиться, рассчитать дистанцию и выстрелить — так стреляют по уткам, летящим на охотника, только тогда в ружье заряд дроби, а теперь — единственная пуля.

Выстрел. И вдруг аэроплан дрогнул, нырнул, падая, дал крен, перевернулся и рухнул на остов дома за траншеей; треск, потом взрыв, взлетевшее пламя, похожее на огненный столб и поглотившее остов дома и аэроплан.

Конечно, Руди не мог утверждать, что это его выстрел попал в цель, — стреляло человек десять, но ему казалось, что аэроплан был сбит им.

Волна безумной радости и криков «ура» пробежала по всей траншее. Бойцы бросали вверх шапки, грозили кулаками улетающим аэропланам и кричали: «Вот вам подарок для Франко!».

«Наступают!» — раздались возгласы.

Первая волна наступающих показалась над краем парапета набережной. Марокканцы шли цепью на расстоянии десяти шагов друг от друга: высокие, чернобородые люди, в коричневой форме и белых тюрбанах...

В разгаре этого наступления снова вернулись фашистские бомбовозы; на этот раз их было много. Но вот появились республиканские аэропланы, которых так ждали мадридцы! Пилоты Капрони, Юнкерсов и Хейнкелей долго не забудут сумерек этого ноябрьского дня; весть о нем донеслась до кабинетов главарей в Берлине и Риме, и новая мировая война была отложена на год или два.

Это сделали силы рабочего класса и его преданность революции.

Республиканские бомбовозы были подобны летающим крепостям, скорость их полета была такова, что они не нуждались в защите истребителей.

Пилоты знали, как управлять и как побеждать в воздушном бою.

Три германских и итальянских аэроплана, кувыркаясь в воздухе, упали на улицах и в парках Мадрида. Фашисты отступили. Теперь над головами их войск пролился пулеметный дождь.

Перевод А. ГАВРИЛОВОЙ.

Вырастим здоровых, жизнерадостных советских детей, преданных своей родине!

Из первомайских лозунгов ЦК ВКП(б).

Галактион ТАБИДЗЕ

Первое мая

Как цветы
украсили мой город!
— Ну, кому
жасмины,
мак,
сирень? —
бойкий мальчик —
нараспашку ворот —
говорит мне
в первомайский день

Лучезарный полдень
перед нами
синие ворота
распахнул,
и весна
зелеными штыками
предо мной
берет на-караул.

И гремит,
как прежде,
первым маем
передача
на большой волне:

— Мы желаем
мира,
мы желаем
завершить социализм вполне.
Все,
кто хочет строить наше зданье —
населенный
гениями
мир,
кто желает видеть состязанье
будущих резцов,
палитр
и лир, —

музыкант,
поэт
и живописец,
все,
кто в звуки с красками
влюблен, —
дайте руки мне
и становитесь
в сень
коммунистических знамен!

Перевод с грузинского **Б. БРИК**

И. ФЕФЕР

ИМЯ СТАЛИНА

Вечно будут мчаться реки,
Вечно поле зеленеть,
Имя Сталина вовеки
Будет солнцем пламенеть!
С ним и горам не сравниться,
Мелок океан пред ним,
Поколения гордиться
Вечно, вечно будут им.
И несется песня смело
Вдоль лесов, долин, полей,
И поют ее карелы,
Кабардинец и еврей.
Песни ширятся, как реки,
От Чукотки до Кремля,
Славой Сталина вовеки
Будет полниться земля!
И кремлевским пятилучьем,
Радость светится в глазах,
Мы всесильны, мы могучи
На земле и в облаках.
Вечно будут мчаться реки,
Вечно поле зеленеть...
Имя Сталина вовеки
Будет солнцем пламенеть!
Часовому на границе,
Что отчизну сторожит,
Слышно, как по свету птицей
Имя Сталина летит.
Там, где лист дрожит от страха,
Крыши гнутся до земли,
Стал он другом для феллаха,
Братом стал он для кули.
Вечно будут мчаться реки,
Вечно зеленеть поля.
Славой Сталина вовеки
Будет полниться земля!

Перевод с еврейского **В. БУГАЕВСКОГО**

А. ТВАРДОВСКИЙ

ШОФЕР

Молодой, веселый, важный
За рулем шофер сидит.
И кого ни встретит — каждый
Обернется, поглядит...

Едет парень, припорошен
Пылью многих деревень.
Путь далекий,
День хороший.
По садам цветет сирень.

В русской вышитой рубашке
Проезжает он селом.
У него сирень в кармашке,
А еще и на фуражке,
А еще и за стеклом...

И девчонка у колодца
Скромный делает кивок.
Журавель скрипит и гнется,
Вода льется
На песок.

Парень плавно, осторожно
Развернулся у плетня.
— Разрешите,
Если можно,
Напоить у вас коня...

Та краснеет и смеется,
Наклонилась над ведром.
— Почему ж? Вода найдется,
С вас и денег не берем.
Где-то виделись, сдается?.. —
А вода опять же льется,
Рассыпаясь серебром.

Весь — картина,
Молодчина
От рубашки до сапог.
Он уже садясь в кабину
Делает под козырек.

На околице воротца
Открывает сивый дед.
А девчонка у колодца
Остается,
Смотрит вслед:
Обернется или нет?..

Высокие звезды над нами горят,
И звезд этих ярких не счесть.
У белых, у желтых, у черных ребят
Хорошая родина есть.

Мы пляшем, поем и смеемся сейчас,
Нам весело жить на земле,
И все потому, что о каждом из нас
Заботится Сталин в Кремле.

С. МИХАЛКОВ.

Этот, в капитанской фуражке, только что пробил головой заслон из Петьки и появился на переднем плане. Собственно говоря, он стремился поближе рассмотреть проходящие по улице танки, но глаза сами собой поднялись к небу. А на небе творится невероятно чудесное, нестерпимо притягательное для хорошей мальчишеской души! Будущий капитан северного морского пути очень недалек от мысли: не переменить ли морской путь на славу советского летчика? Слишком уж сильно впечатление, упавшее на его голову, прикрытую капитанской фуражкой!

Вот у Петьки, у того никаких нет вопросов. Он должен быть только летчиком, и как можно скорее. Мертвые петли, штопоры и скольжения вызывают у него в настоящую минуту отнюдь не восхищение. Нет, они вызывают только зависть. Это чувство так сильно у Петьки, что он не заметил даже агрессивно-нахального проникновения на первый план этого самого франта в капитанской фуражке. Легкая досада, конечно, где-то царапает сердце, но некогда заниматься этой досадой. Так недоступны для Петьки небо и стальные ловкие птицы, самой природой назначенные для петькиной деятельности. Ничего, Петька добьется своего, никакие соблазны не отвлекут Петьку от летного пути. Еще несколько лет, всего несколько лет!

В кепке, спокойный, довольный жизнью Володя насмотрелся этих аэропланов и дома — он живет рядом с аэродромом. Танки тоже прекрасная вещь, но и танки Володю сейчас не увлекают. Ему просто хорошо. Он занял лучшее место на улице, и в жизни место у него не плохое — он советский школьник. Приятно жить на свете и приятно спокойно ожидать завтрашних дней. К тому же Володя мечтатель, только мечты у него все разные, сегодня одни, завтра — другие. Пусть танки с грохочущими взрывами проходят мимо. Они хороши, но не менее хороша была и кавалерия, только что скрывшаяся за углом.

Надя прищурила глазенки на сверкающую стаю самолетов, — наших советских самолетов, приветствующих трудящихся в день пролетарского праздника. У Нади радостно на душе, нет у нее ни зависти, ни мечты, чистая свободная радость.

Второй этаж предается, главным образом, восторгам. У Вани разгона нет настоящего, а то прыгнул бы он прямо в средину эскадрильи, прыгнул бы без всякой цели, от одного только восторга. Ваня сейчас забыл даже об утренних неприятностях, когда возражал и грубил матери, отказываясь от пальто, отмахиваясь от уговоров, от указаний на холодную погоду...

Коля, — тот удрал из дому без пальто, успел обойти все улицы, площади и переулки, устал страшно и от ходьбы и от впечатлений, но сейчас все забыл, забыл даже, что ему холодно. Слишком реально связана его душа с душой того летчика, который идет впереди эскадрильи. Коля уже не различает его крыльев на фоне туманного неба и все следит за ним и мечтает о чем-то неясном и радостном, о какой-то высоте, о каком-то человеческом полете.

Другое дело — Севка. Он никогда не мечтает и не будет мечтать. Он реалист и техник. Его увлекают сложные пути самолетов, и он радуется их удаче, как конструктор находке товарища.

А вся семерка праздничным ярким букетом глядит в лицо первому мая, в лицо нашему надежному будущему. Не красочные одежды творят эту яркость. Посмотрите, какая радость сверкает перед вами в лицах этих детей, сколько уверенной горячей радости в их движениях, сколько новой человеческой свободы в их улыбках!

АНДРЕЙ ГАЛЬЧЕНКО

Фото т. РЮМКИНА

Сулейман СТАЛЬСКИЙ

Первомайские стихи

Над миром кружится весна,
Как наша песня в этот день.
И враг бледнее полотна,
Роняет руки в этот день.

Теряя силы и покой,
Он чует смерть над головой,
Он видит полночь над собой
В такой весенний, ясный день.

Весь мир трудящихся — за нас.
Не в первый год, не в первый раз
Везде, куда б ни глянул глаз,
Знамена красны в этот день.

В свой лучший цвет весь мир одет
Лицом к Москве встает рассвет.
Весь мир свой лучший шлет привет
Вождю народов в этот день.

И Сталин поднятой рукой
Улыбкой ласково-простой
Весь мир поздравит трудовой
С великим маем в этот день.

Весна идет со всех сторон,
Распахнут настежь небосклон,
И даже солнце шлет поклон
Победам нашим в этот день.

У моря яблони цветут...
Навстречу корабли плывут,
И наши птицы там поют
О нашей славе в этот день.

Перевод **ЭФФЕНДИ КАПИЕВА**

ПЕСНЯ АЛА-ТАУ

Из А. Байсалбаева, народный певец — акын Киргизии

Я гляжу на тебя, Ала-тау,
и вижу:
Стоят снеговые громады,
Летят с вышины водопады,
Зеленые спят ледники,
Горячие бьют родники,
Я вижу на скалах твоих,
Рогатых архаров [1], седых
Баранов и горных кульджу [2].
Я в темное небо гляжу
И вижу тебя в вышине,
Ты с небом стоишь наравне.
Я гляжу на тебя, Ала-тау,
и слышу:
Горные птицы — улары [3]
В девяносто поют голосов.
Радость и счастье, борьбу
и любовь
Слышу я в песнях уларов.
От ледников прекрасна ты,
От водопадов прекрасна ты,
От песен уларов чудесна ты —
Жемчужина гора — Ала-тау.
Я гляжу на тебя, Ала-тау,
и вижу:
По зеленым ущельям твоим
Уползают туманы, как дым.
Вижу, ловкие барсы идут,
Кзыл-аскеры о славе поют.
Словно гибкие барсы, они
Охраняют счастливые дни
И границы твои, Ала-тау.
Дождь пройдет над тобой,
Ала-тау,
И долины очистит гроза, —
Сразу ясными станут глаза,
Сразу станешь дышать глубоко,
Так же чисто, светло и легко
Жить на крепкой советской
земле,
Как дышать у вершин Ала-тау.

Я гляжу на тебя, Ала-тау,
и вижу:
С вышины водопады летят,
Ледники по ущельям блестят,
Расцветает по скалам арчи [4],
И горячие льются ключи,
И улары — горные птицы
По лесам Ала-тау поют.
Кзыл-аскеры, как барсы,
границы
От коварных врагов стерегут.
Вижу я табуны лошадей
На просторах киргизских степей
И отары овец на джей-ляу [5];
То колхозы твои, Ала-тау,
Богатеют и крепнут наславу.
Расцветает киргизский народ;
Он под сталинским солнцем
цветет,
Он сталинским светом согрет,
Он сталинской лаской согрет,
Вижу сталинский, солнечный
свет
На вершинах твоих, Ала-тау.
Я гляжу на тебя, Ала-тау,
и думаю:
С кем я сравню Ала-тау,
Кто равен тебе, Ала-тау,
Кто выше тебя, Ала-тау?
Только Сталин равен тебе,
Только Сталин выше тебя,
Жемчужина гор — Ала-тау!
Я гляжу на тебя, Ала-тау,
и вижу:
Через пустыни и горы,
Через степные просторы,
Через пески и моря,
Через вершины Памира
Сталин стоит над землей, —
Ала-тау нового мира!

Перевод с киргизского **АНДРЕЯ АЛДАН**

[1] Архары — горные бараны.
[2] Кульджу — горный козел.
[3] Улары — птицы, живущие в горах Тянь-Шаня.
[4] Арчи — кустарник.
[5] Джей-ляу — горные пастбища.

Самуил ЛЕХТЦИР

НА СТРАЖЕ

В ночи к реке уснувшей скользят во мраке тени,
Луна холодным глазом глядит на темный край
Мой часовой, ты зорок, не веришь в час весенний
— Чине? Стай! *)
Сверкнул огонь винтовки, как молния в осоке,
Изменчивую полночь — возьми, перелистай.
И он звенит, твой голос, взволнованный, высокий:
— Чине? Стай!
Поэзия, заводы, долина и пригорок —
Застава всюду нынче, и ты, товарищ, знай:
Стихом вооруженный, я тоже буду зорок.
— Чине? Стай!

С молдавского перевел **ЯКОВ ГОРОДСКОЙ**

*) Кто идет? Стой!

Бор. ОЛЕНИН

Новеллы, рожденные жизнью

1. ЧЕТЫРЕ ДОЧЕРИ РАХИМОВА

Когда у жены узбекского батрака Рахимова родилась четвертая дочь — в доме воцарился траур. Рахимов поник головой и сказал тихо:

— Это несчастье.

Его жена, прижимая к груди новорожденную, ответила несмело:

— Может быть счастье придет в наш дом... Может быть ты найдешь лучшую работу...

— Женщина, — сказал ей Рахимов, — ты сама не веришь своим словам. Так жил мой дед, так жил мой отец, так придется жить и мне. Так живет народ мой.

В этот день в доме не было даже лепешки, чтобы накормить роженицу. Не было горсти угля, чтобы затопить мангал.

Было это много лет назад.

Сегодня колхозник Рахимов из артели «Сировчи» отдыхает, у него выходной день. На столе шурпа, жирный плов, сладости. На Рахимове хорошая одежда, на его жене шелковое платье. Его дочь Рухсара, «одно из четырех несчастий», давно кончила интернат им. Забинниса, кончила затем рабфак, поступила в плановый институт им. Куйбышева и теперь работает экономистом. Сын Касым кончил тот же институт. Юнус и Таджи кончили Педагогическую Академию. Юсуп, Замира и Гюльджих учатся в средней школе.

Жена Рахимова говорит задумчиво:

— Счастье пришло в наш дом. Но вдруг оно покинет его?

— Женщина, — отвечает ей Рахимов, — ты сама не веришь своим словам. Это счастье не может покинуть нашего дома, ибо оно пришло в каждый дом. Оно не может уйти, ибо народ будет голосовать против.

2. ГВАРЕНГИ В ДОЛИНЕ АРАРАТА

Колхоз «Камарлю» в долине Арарата, в Армении, вел оживленную переписку с Союзом архитекторов. Суть заключалась в следующем. Колхозник этого колхоза Шахбалдян был на побывке у родственника, работающего в Ленинграде. Ему показывали достопримечательности города, в том числе и театр, построенный великим Гваренги для Екатерины II.

Этот театр имеет совершенно круглый зрительный зал, обитый красным бархатом.

Рассказ Шахбалдяна о театре Гваренги произвел сильное впечатление на колхозников «Камарлю». На общем собрании они решили:

1. Театр стиля Гваренги необходим колхозу «Камарлю».

2. Красный бархат к лицу армянским девушкам.

3. Надо обратиться в Союз архитекторов для проведения плана постройки театра в жизнь.

Союз архитекторов ответил колхозникам, что постройка театра по образцу театра Гваренги в Эрмитаже обойдется слишком дорого и будет не под силу колхозу.

В ответ колхоз «Камарлю» прислал выписку из бухгалтерской книги:

I. На текущем счету колхозников имеются суммы в 20.000, 15.000 и т. д.

II. Колхоз «Камарлю» обладает крупными ассигновками на культурное строительство, отчисленными с колхозного дохода.

III. Театр Гваренги будет оплачен колхозом, сколько бы он ни стоил.

Театр — копия эрмитажного театра Гваренги заканчивается постройкой в колхозе «Камарлю», в долине Арарата.

3. ДИАЛОГ

Директор фабрики им. Свердлова Пучигин пришел домой к обеду не в духе. За супом он сказал жене:

— В райком вызывали...

Жена неопределенно переспросила:

— Да?.. Как суп — вкусный?

— Вкусный, — мрачно ответил директор.

За котлетами директор сказал:

— Выговор в райкоме сделали!

И снова жена также неопределенно переспросила:

— Да?.. Как котлеты — не пережарены?

— Котлеты хороши, — ответил директор так же мрачно.

За компотом он стал словоохотливей.

— Холку мне в райкоме натерли... За жен ИТР... За то, что до сих пор их смету по культурным мероприятиям не утвердил. Придется утвердить!..

И тогда жена директора Ефросинья Родионовна Пучигина ответила:

— Давно бы так! Не пришлось бы тогда председателю Совета Жен ИТР Ефросинье Родионовне Пучигиной на тебя в райком жаловаться...

4. ПИСЬМО

Поэт **С.** в Москве получил письмо:

«Хор у нас хорош, сами составили из четырнадцати старых казаков. Поем старые песни: «Прости, звезда, пора мне спать», «Ермак Тимофеевич», «Стенька Разин» и тому подобное. А новых песен маловато. Уж я сам составил песню, только трудновато мне, как я не писатель, песни составлять.

Песня такая:

Пускай страна нам скажет слово:
— А ну-тка, братцы казаки!
И вмиг казачество готово
Содвинуть в бой свои полки.

Сами понимаем, что не очень получается, зато от души.

Вот бы вы, товарищ поэт, для нас песни написали... А уж мы так споем, что хоть кого за сердце тронем.

Может, дадите ответ?

Составил сие письмо казак колхоза им. Красной Армии, станицы Слепцовской, Сунженского района, Чеченской области **Булгауров Иван.**

А расписался за него, по его неграмотности, казак **Щербинин Александр».**

5. СТАТИСТИКА БАШАРАТ МИРБАБАЕВОЙ

Башарат Мирбабаевой 17 лет; она — узбечка из дальнего кишлака.

Башарат сидит иногда с карандашом в руках и, пока мать готовит ужин, занимается подсчетами.

Она пишет в колонку:

— Прыжков с парашютом — 15.

— Самостоятельных полетов на самолете — 30.

— Полетов высшего пилотажа — 2.

Башарат — хороший пилот, она научилась летному делу быстро. Ее мать говорит в ужасе:

— Если б у тебя было 15 сердец, и те могли бы разорваться от 15 прыжков, дочь моя!

Башарат отвечает:

— У меня только одно сердце, мама, но это — сердце птицы.

И тогда старая Айхан Мирбабаева, еще недавно не смевшая сесть в присутствии мужчины, говорит:

— Сердце птицы? Это моя гордость: курица родила орлицу.

6. НЕДОСТАТОК ГОРОДА МАГАДАН

Город Магадан отстоит от Москвы на 10.000 километров, от Хабаровска — на 2.000 километров.

Приезжего ведут показывать город Магадан. Его ведут по асфальтированным улицам. Ему показывают красивые каменные здания Дома специалистов, Дома связи, школы-десятилетки, дирекции Дальстроя, фабрики-кухни, издательства ежедневной газеты.

Он посещает музей, парк культуры и отдыха, стадион, зверинец.

За обедом его угощают свежими овощами из теплиц города Магадана. На белоснежной скатерти стоят цветы из оранжереи города Магадана. Вечером приезжий смотрит в драматическом театре «Ромео и Джульетту». Отправляясь на ночлег в комфортабельную гостиницу, он говорит:

— Ваш город прекрасен. В нем нет недостатков.

Ему отвечают:

— Нет, город Магадан имеет недостаток.

— Какой? — спрашивает приезжий.

И ему отвечают:

— Города Магадана нет на картах и в атласах Союза. Он строился быстрее, чем печатаются карты и атласы.

7. РЕЧЬ АРТИСТА

Из стенограммы II Чрезвычайного С'езда Советов Калининской области.

Выступление артиста Калининского драмтеатра И. П. Лобанова:

...Я сыграл в этом городе 100 ролей, сто ролей за десять лет работы. Это мой вклад в культурную жизнь города. Это моя доля в той работе, которой подводятся сейчас итоги на с'езде. **(Аплодисменты).** Я приехал в этот город гостем, а стал в нем хозяином. Меня выбрали здесь членом районного Совета. Я сначала растерялся, когда мои избиратели дали мне наказ: 1) создать в городе филармонию с собственным симфоническим оркестром, 2) построить новый большой кинотеатр, 3) открыть музыкальную школу, 4) организовать театр юного зрителя.

Разрешите доложить: все наказы моих избирателей выполнены. **(Аплодисменты).**

8. АФОРИЗМЫ ПОВАРА АНЦИФЕРОВА

Часть, которой командует т. Горунов, входящая в состав краснознаменной ОКДВА, выехала на тактические маневры. В течение многих дней часть была оторвана от базы, проводила маневры в сложнейших условиях глухой тайги.

Повар части т. Анциферов изрек в эти дни афоризм, который стал популярным во всей части:

— Как драться, так и питаться надо одинаково во всех условиях.

Если о первой части афоризма позаботились бойцы и командиры, то о второй позаботился сам т. Анциферов. В глубине тайги он продолжал кормить свою часть так, как будто находился на базе.

Вот меню одного дня, предложенное бойцам поваром Анциферовым:

Завтрак:
Суп с макаронами.
Хлеб со сливочным маслом.
Чай и бутерброды.

Обед:
Борщ украинский.
Жареные котлеты с гарниром.
Компот.

Ужин:
Вермишель жареная с мясом.
Блины с медом.
Кофе.

В ответ на благодарность бойцов и командиров повар Анциферов изрек свой второй афоризм:

— Чем человек лучше сражается, тем он лучше ест. Но можно сказать и так: чем человек лучше ест, тем он лучше сражается.

Один из командиров сказал повару Анциферову:

— Ты, т. Анциферов, лупишь афоризмы лучше, чем Сократ какой-нибудь!

Повар Анциферов ответил с достоинством:

— А то нет? Попробовал бы Сократ компот приготовить в тайге...

9. ПОРТРЕТ ФАЙЗУЛЛЫ ЮНУСОВА

Заметка из ташкентской газеты:

«Вчера и сегодня наши читатели осаждали редакцию телефонными звонками и телеграфными запросами. Спрашивали по поводу портрета знатного колхозника-орденоносца Файзуллы Юнусова, помещенного на первой странице нашей газеты: «Не произошло ли недоразумение? Не перепутали ли клише?».

Спешим рассеять недоумение наших читателей. Нет, не перепутали. На фото изображен подлинный Файзулла Юнусов, портреты которого мы неоднократно печатали. Но узнать его действительно трудно, так как он сбрил свою почтенную бороду, так хорошо известную всем. Он говорит: «Я молод душой, но хочу быть молодым и внешне». Вот почему он пренебрег заветами старины и сбрил бороду.

Таким образом все обстоит благополучно Файзулла на месте. Но бороды нет»...

10. ОДНО ИЗ СОТЕН ПИСЕМ

«ДВК, Застава им. Валентина Котельникова, Петру Котельникову.

Уважаемый товарищ Петр Котельников. У нас тут ребята выдумали две пословицы, так я посылаю их тебе.

Первая такая:

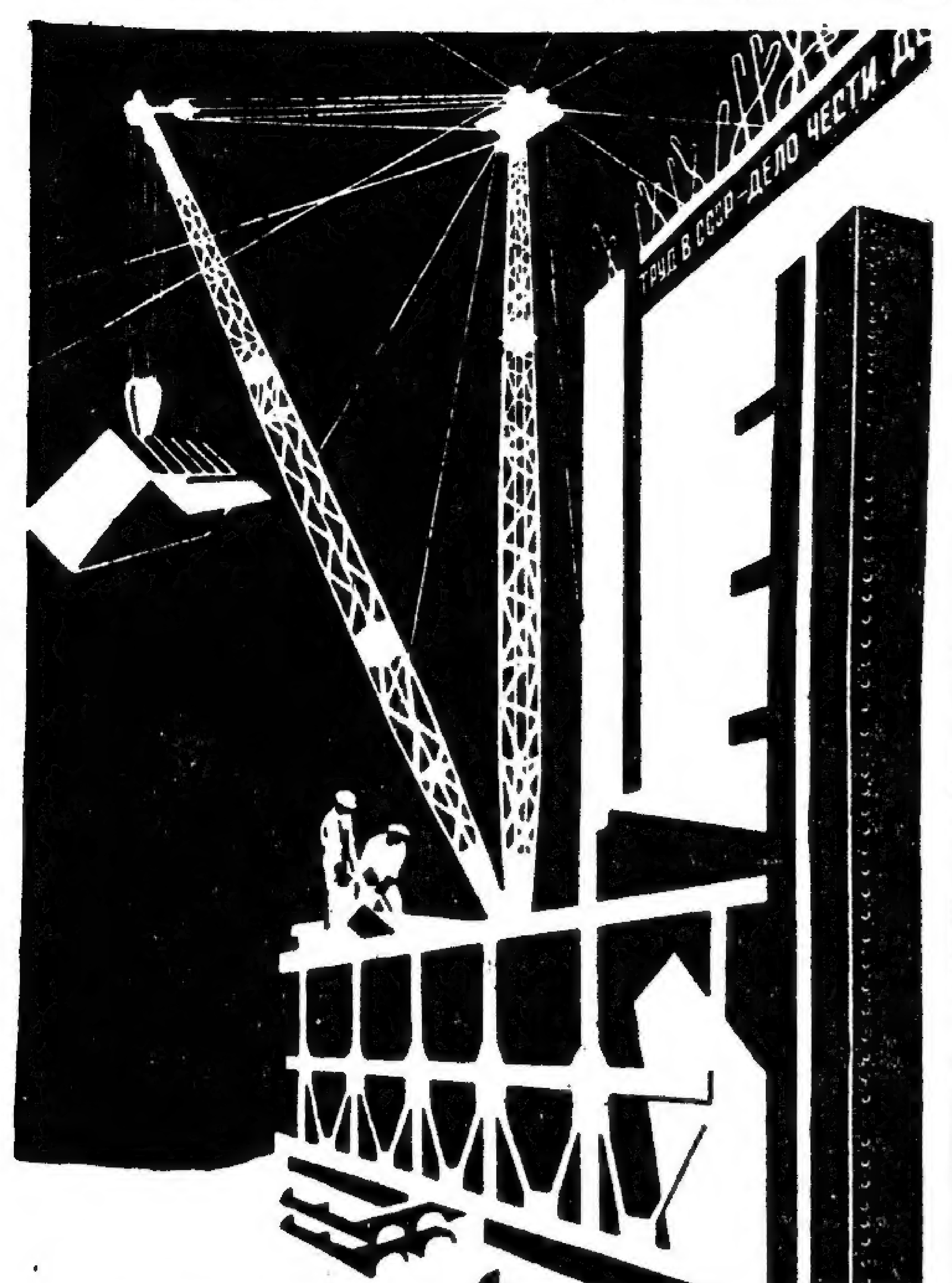
«Что ты прешь на чужую гать, как япон в Мещерякову падь?» Это, если кто нахрапом лезет, тогда говорят.

А другая:

«Не пускай в огород ни свинью, ни птицу, не давай врагу перейти границу».

Сообщаю тебе, может, пригодятся.

Тракторист Егор Половников.
Колхоз «Свободный труд».

«Монтажники». Рисунок худ. Глеба Кун.

Поэты и писатели канала

Известно, как горячо приветствовал Алексей Максимович Горький начинающих писателей из числа заключенных Дмитровского лагеря, с каким интересом он следил за каждым дарованием, выявившимся в лагере, как настойчиво он рекомендовал союзу писателей и критикам заняться всерьез художественным воспитанием молодых каналоармейских писателей и поэтов

Но, увы, дальше платонического сочувствия ССП и поныне не идет: никто из квалифицированных мастеров слова не помогает каналоармейской молодежи, не проявляет должного внимания к ее творческой работе.

Но, несмотря на это, таланты в Дмитлаге не пропадают. И не только литературная молодежь. Широко известен уже и за пределами канала график Глеб Кун, поражающий зрелостью художественных приемов, четкостью и выразительностью рисунка, пользуются заслуженным успехом художник Янцен, портретист Марышев, скульптор Леденцов — автор прекрасной скульптуры «Емельян Пугачев», и др. Большое место занимает в системе культурной работы музыкальная самодеятельность каналоармейцев. Уже на Беломорстрое выявился ряд даровитых музыкантов. Некоторые из них получили и «официальное» признание. Игорь Вейс, например, окончил Московскую консерваторию и остался при ней аспирантом, М. Черняк принят в члены союза советских композиторов и т. д.

Вырастил канал, разумеется, и своих поэтов и писателей. Их первые произведения производят неизгладимое впечатление на читателя. Он со всей очевидностью ощущает, что имеет дело со способными молодыми литераторами, он имеет возможность проследить путь развития ряда каналоармейских писателей и поэтов, их движение от первых слабых опытов к уверенным ритмическим ходам, к сложным сюжетным линиям, к богатой инструментовке стиха, к серьезному содержанию. **Л. Могилянская, Н. Жигульский, В. Калентьев, Ф. Шаргородский, И. Коваленко** — их фамилии запоминаются, их произведения уже начинаешь судить строго, как произведения людей, способных выдержать сравнение с профессиональными литераторами.

Названные нами поэты во многом, конечно, отличаются друг от друга по степени зрелости, культурного развития, по своей творческой индивидуальности, но одна черта характерна для всех. Этой чертой является глубоко оптимистическое ощущение окружающего мира. Оптимизму каналоармейцев чужд малейший налет умиленности, сусальности, дешевого, плоского бодрячества. Оно и понятно: ведь авторы, о которых идет речь, — люди, не пришедшие «на все готовое». Они завоевали право на жизнь, оплатив свою победу ценой суровых испытаний. Они ее выстрадали.

Люблю безмерно жизнь
В расцвете алом,
Кипенье бурное,
Побед могучий вал —
За то, что жизнь
Меня переверстала,
За то, что дважды
Я ее узнал.

Так пишет каналоармеец Сергей Девин, выражая этими строками отнюдь не свои только личные переживания.

Вторая жизнь возникла в труде, давшем чувство связи с коллективом, чувство собственного достоинства, распахнувшем ворота в сверкающее будущее. И труд является ведущим мотивом в творчестве всех каналоармейских поэтов и писателей, тот вдохновенный, всепобеждающий труд, чары которого они впервые постигли на строительстве канала Москва—Волга. Поэтому стихи каналоармейцев, очень часто формально несовершенные, звучат ярче, чем иные пресные литературные упражнения «штатных» версификаторов. Для поэтов-каналоармейцев это личная тема, выражающая весь их внутренний мир, переплетающаяся со всем комплексом их интимных переживаний, надежд, раздумий, чувств.

Вот полное свежести и непосредственности стихотворение Вениамина Калентьева «Радость»:

Гонит ветер облака ночные
В те края, где дремлет тишина.
В голубые омуты речные
Засмотрелась полная луна.
Плещет Волга серебристым валом
О края бетонные плотин,
Я стою над голубым каналом,
Над высоким берегом — один.
И слежу, как в дымке летней ночи,
Чешуей блестя издалека,
Подо мной кружится и рокочет
Новая, могучая река.
Это люди неуклонной властью
Здесь ковали мужество свое.
Здесь, в забое, добывалось счастье—
Светлое, прекрасное, мое.

Оно по-настоящему поэтично и, несмотря на слова о бетоне, забое и т. п., ни в какой мере не грешит пресловутым «железо-бетонным» лиризмом.

Мы не можем удержаться от искушения привести полностью и стихотворение Н. Жигульского, свидетельствующее о большом росте поэта, об умении очень своеобразно повернуть столько раз использованную тему канала:

Хорошо у нас, в Саратовском
краю
Полуночницы «Страдание» поют,
Звезды слушают в лазурных
небесах
Задушевные девичьи голоса.
Но услышать нам однажды
довелось,
Как певал у нас один заезжий
гость,—
У него и песни той неслыхан лад,
И слова совсем особенно стоят.
Говорилось в этой песне про
канал,
Что от Волги до Москвы великой
встал,
И напевы этой песни хороши —
Достигали до распахнутой души.
И сквозь эти самоцветные слова
Нам казалось, как над Волгою
Москва
Наклонилась и любуется собой,
Белокаменной своею красотой.
Этим песням — да вовек не
умирать!
Век столице да над Волгою стоять!
Да ходить всем белокрылым
кораблям
По пяти открытым заново морям.

Эти слова так и просятся на музыку, и вполне естественно, что они вдохновили одного из одареннейших каналоармейских композиторов, Александра Розанова, на песню, получившую широкое распространение.

Таких стихотворений не мало в сборниках, выпущенных культурно-воспитательным отделом Дмитлага. Они говорят о жизни, о поэзии труда, о людях, соединившихся в тесную, сплоченную семью, переделывающих мир и себя. Они с любовью воспевают героев стройки, и вы запечатлеваете в памяти образы людей, которыми гордится вся армия канала,—Лазареева, Тасарской, Мукашовой, Мишкина, Рыбалко и многих других стахановцев канала Москва—Волга.

Но иногда редакция допускает досадную небрежность. Почему, например, в стихотворении В. Пузырева обложки пахнут «вяленою рыбой»? Только потому, что необходимо срифмовать со словом «глыбой»? Тот же автор обращается к истории со следующими словами:

...Мрачны твои страницы,
Напрасно я ищу в тебе просвет.
Тащилась ты жеребой кобылицей
(!)
В бренчанье сабель, в блеске
эполет.

Это надуманно, безвкусно и не совсем грамотно.

Стихи в этом виде не следовало печатать.

В последнее время вышел ряд книжек, свидетельствующих о том, что на канале имеются и весьма одаренные прозаики. Значительный интерес представляют «Еврейские рассказы» Якова Свирского (в переводе Нитобурга). Автор рассказов хорошо знает старую «черту оседлости», быт деклассированной еврейской массы, задыхавшейся в царской тюрьме народов. Несколько поверхностно, но занимательно показывает Свирский представителей «черты» в обстановке лагеря.

Глубже подходит к проблеме перевоспитания Л. Стайковский, рассказы которого об'единены под названием «Солнечная сторона». Особенная удача этого сборника—рассказ «Инок Иероним». Очень неплох и рассказ «Синий якорь». Эту группу каналоармейских прозаиков хорошо дополняет Леонид Богданович: он обнаруживает в своих «Новеллах» несомненную наблюдательность, чувство юмора и мягкий лиризм. Последняя особенность наиболее выразительно сказалась в новелле «Золотая осень».

Начинающие писатели канала Москва—Волга имеют право на внимание нашей литературной общественности. При разумной помощи, при том серьезном воспитании, которое призывал оказывать М. Горький, некоторые из этих писателей сумели бы оказаться полезными людьми в советской литературе.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

Казахский оперный театр в Ленинграде

Вечер в Доме писателя

ЛЕНИНГРАД (наш корр.). Гастроли Казахского государственного оперного театра проходят в Ленинграде с исключительным успехом. Каждый спектакль превращается в триумф национального искусства казахского народа.

В Доме писателя им. Маяковского состоялась встреча Казахского оперного театра с ленинградской литературной общественностью.

Как известно, ленинградские писатели давно уже установили творческую дружбу с писателями Казахстана. К 20-летию Октября ленинградские писатели готовят большую антологию казахской литературы.

Вечер в Доме писателя им. Маяковского начался докладом руководителя казахской бригады ЛенССП Л. Соболева. Он рассказал о социалистических богатствах Казахстана, о его культуре, искусстве, литературе.

Доклад о людях молодого Казахского театра сделал нач. управления по делам искусств при СНК КазССР т. Тогжанов. В конце своей речи он огласил стихотворное приветствие акына орденоносца Джамбула:

Вокруг меня степи в весеннем
наряде,
А сердце и мысли мои — в
Ленинграде,
Где песни степей вдохновенно
поет
Устами певцов возрожденный
народ,
Где наше искусство волнует со
сцены
Красой Кыз-Жибек и огнем
Тулегена,
Геройством Тартыш, гореньем души
Прекрасной казашки, родной
Халипши.
Желаю, чтоб чище ручьи прозвенели
Куляш соловьиные нежные трели,
Чтоб песня на битву за счастье
вела,
Чтоб дружба народов росла и
цвела.
Джамбул Ленинграду желает
побед,
И шлет от горячего сердца
привет! *

Докладчики уступают трибуну поэтам. К. Алтайский, В. Рождественский, П. Шубин читают переводы казахских поэтов, А. Гитович — стихи о Казахстане. Затем состоялся концерт, в нем приняли участие лучшие артисты Казахского театра, в том числе и Куляш Байсеитова и Шара Жандарбекова. Аккомпанировал народный артист республики, композитор орденоносец Е. Брусиловский. Артистам была устроена шумная овация.

После концерта в Доме писателя состоялся прием в честь Казахского оперного театра. Представителей прекрасного казахского искусства горячо приветствовали Ник. Тихонов, Л. Соболев и др.

* Перевод К. Алтайского.

Кукольное представление на площади им. Маяковского

1 и 2 мая, в 12 часов ночи, на площади им. Маяковского Кукольный театр под руководством скульптора И. С. Ефимова и художницы Д. Я. Симонович-Ефимовой покажет сказку Салтыкова-Щедрина «Как мужик двух генералов прокормил» и басню Крылова «Крестьянин и змея».

Кукольный театр Ефимовых был организован в 1917 году. За двадцать лет им осуществлено множество представлений, в том числе на сюжеты русских и норвежских народных сказок и произведений мировой классики.

В настоящее время Ефимовы готовят кукольное представление трагедии Софокла «Эдип».

К. ПАУСТОВСКИЙ

Лето в Салтыковке

(Из биографического рассказа об Исааке Левитане)

В 1879 году полиция выселила Левитана из Москвы в дачную местность Салтыковку. Вышел царский указ, запрещавший евреям жить в «исконной русской столице». Левитану было в то время всего восемнадцать лет.

Лето в Салтыковке Левитан вспоминал потом как самое трудное в жизни. Стояла тяжелая жара. Почти каждый день небо обкладывали грозы, ворчал гром, шумел от ветра сухой бурьян под окнами, но не выпадало ни капли дождя.

Особенно томительны были сумерки. На балконе соседней дачи зажигали свет. Ночные бабочки тучами бились о ламповые стекла. На крокетной площадке стучали шары. Гимназисты и девушки дурачились и ссорились, доигрывая партию, а потом, поздним вечером, женский голос пел в саду печальный романс:

«Мой голос для тебя и ласковый
и томный...

То было время, когда стихи Полонского, Майкова и Апухтина были известны лучше, чем простые пушкинские напевы, и Левитан даже не знал, что слова этого романса принадлежали Пушкину.

Он слушал по вечерам из-за забора пение незнакомки, он запомнил еще один романс о том, как «рыдала любовь». Ему хотелось увидеть женщину, певшую так звонко и печально, увидеть девушек, игравших в крокет, и гимназистов, загонявших с победными воплями деревянные шары к самому полотну железной дороги. Ему хотелось пить на балконе чай из чистых стаканов, трогать ложечкой ломтик лимона, долго ждать, пока стечет с той же ложечки прозрачная нить абрикосового варенья. Ему хотелось хохотать и дурачиться, играть в горелки, петь до полночи, носиться на гигантских шагах и слушать взволнованный шопот гимназистов о писателе Гаршине, написавшем рассказ «Четыре дня», запрещенный цензурой. Ему хотелось смотреть в глаза поющей женщины, — глаза поющих всегда полузакрыты и полны печальной прелести.

Но Левитан был беден, почти нищ. Клетчатый пиджак протерся вконец. Юноша вырос из него. Руки, измазанные масляной краской, торчали из рукавов, как птичьи лапы. Все лето Левитан ходил босиком. Куда было в таком наряде появляться перед веселыми дачниками.

И Левитан скрывался. Он брал лодку, заплывал на ней в тростники на дачном пруду и писал этюды, — в лодке ему никто не мешал.

Писать этюды в лесу или в полях было опаснее. Здесь можно было натолкнуться на яркий зонтик щеголихи, читающей в тени берез книжку Альбова, или на гувернантку, кудахчущую над выводком детей. А никто не умел презирать бедность так обидно, как гувернантки.

Левитан прятался от дачников, тосковал по ночной певунье и писал этюды. Он совсем забыл о том, что у себя, в училище Живописи и Ваяния, Саврасов прочил ему славу Коро, а товарищи — братья Коровины и Николай Чехов — всякий раз затевали над его картинами споры о прелести настоящего русского пейзажа. Будущая слава Коро тонула без остатка в обиде на жизнь, на драные локти и протертые подметки.

Левитан в то лето много писал на воздухе. Так велел Саврасов. Как-то весной Саврасов пришел в мастерскую на Мясницкой пьяный, в сердцах выбил пыльное окно и поранил руку.

— Что пишите! — кричал он плачущим голосом, вытирая грязным носовым платком кровь. — Табачный дым? Навоз? Серую кошку?

За разбитым окном неслись облака, солнце жаркими пятнами лежало на куполах, и летал обильный пух от одуванчиков, — в ту пору все московские дворы зарастали одуванчиками.

— Солнце гоните на холст! — кричал Саврасов, а в дверь уже неодобрительно поглядывал старый сторож — «Нечистая сила». — Весеннюю теплынь прозевали! Снег таял, бежал по оврагам холодной водой, — почему не видел я этого на ваших этюдах? Липы распускались, дожди были такие, будто не вода, а серебро лилось с неба, — где все это на ваших холстах? Срам и чепуха!

Со времени этого жестокого разноса Левитан начал работать на воздухе. Вначале ему было трудно привыкнуть к новому ощущению красок. То, что в прокуренных комнатах представлялось ярким и чистым, на воздухе непонятным образом жухло, покрывалось мутным налетом.

Левитан стремился писать так, чтобы на картинах его был ощутим воздух, обнимающий своей прозрачностью каждую травинку, каждый лист и стог сена. Все вокруг казалось погруженным в нечто спокойное, синеющее и блестящее. Левитан называл это нечто воздухом. Но это был не тот воздух, каким он представляется нам. Мы дышим им, мы чувствуем его запах, холод или теплоту, Левитан же ощущал его как безграничную среду прозрачного вещества, что придавало такую пленительную мягкость его полотнам.

Лето кончалось. Все реже был слышен голос незнакомки. Как-то в сумерки Левитан встретил у калитки своего дома молодую женщину. Ее узкие руки белели из-под черных кружев, кружевами были оторочены рукава платья. Мягкая туча закрыла небо. Шел редкий дождь. Горько пахли цветы в палисадниках. На железнодорожных стрелках зажгли фонари.

Незнакомка стояла у калитки и пыталась раскрыть маленький зонтик, но он не раскрывался. Наконец он раскрылся, и дождь зашуршал по его шелковому верху. Незнакомка медленно пошла к станции. Левитан не видел ее лица, — оно было закрыто зонтиком. Она тоже не видела лица Левитана, она заметила только его босые, грязные ноги и подняла зонтик, чтобы не зацепить Левитана. В неверном свете он увидел бледное лицо. Оно показалось ему знакомым и красивым.

Левитан вернулся в свою каморку и лег. Чадила свеча, гудел дождь, на станции рыдали пьяные. Тоска по материнской, сестринской, женской любви вошла с тех пор в сердце и не покидала Левитана до последних дней его жизни.

Этой же осенью Левитан написал «Осенний день в Сокольниках». Это была первая его картина, где серая и золотая осень, печальная, как русское небо, как вся тогдашняя русская жизнь, как жизнь самого Левитана, дышала с холста осторожной теплотой и щемила у зрителей сердце.

По дорожке Сокольнического парка, по ворохам опавшей листвы шла молодая женщина в черном — та незнакомка, чей голос Левитан никак не мог забыть. «Мой голос для тебя и ласковый и томный». Она была одна среди осенней рощи, и это одиночество окружало ее ощущением грусти и задумчивости.

«Осенний день в Сокольниках» — единственный пейзаж Левитана, где присутствует человек. После этого люди ни разу не появлялись на его полотнах. Их заменили леса и пажити, туманные разливы и нищие избы России, безгласные и одинокие, каким был в то время безгласен и одинок человек.

Годы учения в училище Живописи и Ваяния окончились. Левитан написал последнюю дипломную работу — облачный день, поле, копны сжатого хлеба.

Саврасов мельком взглянул на картину и написал мелом на изнанке: «Большая серебряная медаль».

Преподаватели училища побаивались Саврасова. Вечно пьяный, задиристый, он вел себя с учениками, как с равными, а напившись, ниспровергал все, кричал о бесталанности большинства признанных художников и требовал на холстах воздуха, простора.

Неприязнь к Саврасову преподаватели перенесли на его любимого ученика — Левитана. Картина была признана недостойной медали. Левитан не получил звания художника, ему дали диплом учителя чистописания.

С этим жалким дипломом вышел в жизнь один из тончайших художников своего времени, будущий друг Чехова, первый и еще робкий певец русской природы.

Мужик и два генерала. Куклы работы Ефимовых

Маленький фельетон

ОБ ОДНОМ ПРОЗАИКЕ

Озабоченный прозаик
Ходит мрачен, зол и худ.
Мысль одна его терзает:
Скоро ль комнату дадут?

Он приятелям обуза
И нигде гнезда не вьет.
Он в правлении союза
Каждый день пороги бьет.

На мотив: жилплощадь или
Погибающий талант
Заявлений в желчном стиле
Им написан фолиант.

Был настойчив он и в'едлив,
И упрям, а посему,
Года два спустя, немедля
Дали комнату ему.

Срок прошел, опять заботы,
Вновь прозаик хмур и зол
И для творческой работы
У Литфонда просит стол.

Дали стол и кресло дали,
Но теперь прозаик ждет,
Чтоб его скорей послали
На какой-нибудь завод.

Посылают. Очень рады.
Скок-поскок, прозаик наш,
Не проездив и декады,
Завершает свой вояж.

И в Литфонде вновь маяча,
Бодрый труженик пера
Просит комнату на даче
(Летом в городе жара!).

Дни идут. Подходит осень.
И на сей пожарный раз
Он весьма резонно просит
Две путевки на Кавказ.

Сколько творческих усилий,
Треволнений и забот!
Наконец его спросили,
Что же он в печать сдает?

Но ему ответить нечем.
Есть и дача и уют,
Всем прозаик обеспечен —
Вот таланта не дают.

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ЭПИГРАММЫ

ГРОНСКИЙ

«Он порча, он чума, он язва
здешних мест!»
А Гронский слушает да ест.

ЕРМИЛОВ

При случае себя Ермилов не обидит,
Им тактика усвоена одна:
В чужом глазу сучок он видит,
В своем не замечает и бревна.

МИРСКИЙ

Когда он правду говорит,
когда он врет —
Сам черт не разберет.

ПИЛЬНЯК

Ворона плохо разбиралась в сыре,
И тут-то бог послал ей знатока —
Она в соавторы призвала Пильняка,
И «Сыр» был напечатан в «Новом
мире».

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Г. БАЙДУКОВ

Герой Советского Союза

Из дневника пилота

Герой Советского Союза Георгий Филиппович Байдуков — самый молодой в экипаже «АНТ-25», совершившем героический беспосадочный перелет по Сталинскому маршруту. Но в его летном послужном списке значатся такие перелеты, как Москва — Варшава, Москва — Париж, и будничные, очень смелые полеты на опытных машинах.

Г. Ф. Байдуков любит свою профессию летчика-испытателя. Но он очень любит и живое слово, увлекается литературной работой.

Им написана книга рассказов «Из дневника пилота». В этой книге, выходящей в издательстве «Молодая гвардия», т. Байдуков делится воспоминаниями о своих ученических годах, о том, как он овладевал техникой пилотирования. Часть рассказов посвящена описанию всевозможных случаев, которые происходили с ним и его экипажем во время полетов.

Ниже мы печатаем из дневника пилота две главы.

■ ■ ■

1. Двое упрямых

Меня перевели в истребительное звено Анисимова, пилота наивысшей категории. Служить в таком звене очень лестно, но и не так просто.

В этом же звене работает и молчаливый Валерий Чкалов. Анисимов и Чкалов — большие друзья и в то же время большие соперники. В воздух вместе их пускать опасно: могут побить друг друга. Да и на земле они часто пикируются. Но вечером, за воротами аэродрома, эту пару не разлучить.

Я среди них, отважных истребителей, кажусь птенцом. Постепенно схожусь с Чкаловым, затем с Анисимовым. Время берет свое, и они признают меня летчиком. Наконец, я знакомлюсь с воздушным боем одиночных самолетов.

Высшим пилотажем занимался я и прежде, но Анисимов требовал от меня, чтобы я фигуры делал не на высоте в 2000 метров, а на необыкновенно низкой — всего только в ста или в пятидесяти метрах от земли.

— Они хотят приучить меня к своей школе! — думал я. — Если не угроблюсь, то наверняка выучусь!

При этой мысли я зажмуривал глаза и представлял себе полет Анисимова и Чкалова.

... Над самой крышей здания начальника московского аэродрома, чуть не задевая крышу колесами, несется крошка-истребитель. От бешено вращающегося пропеллера дрожат стекла ангаров. Вот самолет делает четвертую по счету «бочку» и вновь проносится дальше, над крышами зданий.

Нет! Пожалуй на это я неспособен! Высказываю свои соображения Анисимову. Он страшно ругается и немедленно дает задание — итти в зону и пилотировать на такой высоте, чтобы моей машины не было видно с аэродрома.

Я сообразил, что это можно сделать только в том случае, если я буду кувыркаться за лесом, на высоте, не превышающей ста метров.

Слегка волнуясь, я направился к самолету.

Чкалов стоял сбоку и, насупившись, следил за моими нерешительными действиями.

Я подогнал аккуратный парашют, плотнее привязался плечевыми ремнями и запустил мотор. Когда я вырулил на старт, как рукой сняло с меня вялость и нерешительность.

Взлетел, набирая скорость, и заложил над головой Анисимова глубокий разворот с набором высоты, перейдя в непрерывную восходящую спираль.

На высоте пятисот метров я сделал каскад разнообразных фигур, затем штопорнул, выскочил из штопора в трехстах метрах от земли и вновь проделал тот же набор высоты из иммельманов, боевых разворотов и двойных переворотов. Опустившись на двести метров, я снова повторил то же самое.

Я осмелел. Теперь мне нужно было только сдерживать самого себя. Я ринулся еще сильнее вниз. Теперь только сто метров отделяло меня от земли.

Ох, как мало в этих ста метрах настоящих метров! Неужели это метры парижского меридиана? Вряд ли: уж очень близко проходила под крылом моего самолета труба кирпичного завода. От мачт радиостанции я должен был повернуть. Они были выше линии моего полета. Я разогнал машину и сделал иммельман. Сразу высоко отбросило меня вверх. Одинарный переворот вновь осадил мой самолет на 100 метров. Я добавил скорость.

В воздухе я чувствовал себя превосходно, поэтому сделал еще несколько «бочек» и иммельманов. Взмокнув от сильного напряжения, решил пойти на посадку.

Оказывается, Анисимов все время следил за мной со своего самолета. Перед самой посадкой я видел его перевернутый полет через аэродром.

Похвал от Анисимова я не получил, но и замечаний тоже.

Я знал, что в таких делах летчика хвалить опасно: он сам должен знать свой предел.

В этот день я понял, что земля хоть и страшна, но ее я уже не так боюсь, как раньше.

Шли дни. Я совершенствовался в истребительском искусстве. Однажды Валерий Чкалов предложил мне подраться в воздухе.

Самолеты наши были различных систем, но это было неважно. Чкалов хотел мне показать лобовые атаки истребителей.

Мы поднялись в воздух и разошлись на положенную дистанцию. Когда я развернул самолет в его сторону, Валерий был в километрах в двух от меня и шел мне навстречу. Его мотор слегка дымился. Самолет Чкалова шел на полном газу. Я смотрел в калематор и изредка стрелял фотопулеметом. С каждой секундой расстояние между мной и Чкаловым сокращалось. Ведь встречные скорости огромны.

Вот осталось каких-нибудь пятьсот метров, а мы шли точно нос в нос. Я сжал крепче ручку, готовясь отвалиться влево и вверх. Вспомнил «пространство смерти», когда никакие эволюции не спасают самолеты от столкновения, и выглянул влево. В тот же момент я стремительно полез вверх, чтобы перепрыгнуть через самолет Чкалова. Полез на петлю и в верхней ее точке сделал переворот. Получился классический иммельман. Спустя мгновение, я потерял из виду Чкалова и быстро сел.

Механики с земли наблюдали нашу дикую забаву, называемую боем на встречном курсе. Они рассказывали, что наши самолеты, подойдя друг другу в лоб, одновременно полезли вверх, идя вертикально. Все ближе и ближе сходились их колеса. Казалось, вот-вот они пожмут друг другу лапы. И только затем самолеты иммельманами разошлись в разные стороны.

Валерий сел через минуту после меня. Он был немного взволнован. Первым словом по моему адресу было:

— Глупец! Так убьют тебя!

Я не понимал, почему я один глупец? Почему же и он не глупец?

— По-моему, и ты не из умных, если лезешь на рожон! — сказал я. — Тебе нужно было ложиться на вираж!

Вместо ответа он показал мне кукиш и, отойдя, буркнул:

— У тебя такой же упрямый характер, как и у меня. Мы с тобой обязательно столкнемся. Лучше ты, Байдук, сворачивай первый, а то так по глупости и гробанемся!

Я понял чкаловскую тактику и решил, что на своих летчиках ее применять не следует. Лучше уж оставлю ее для настоящей драки с настоящим врагом.

То же посоветовал я и Валерию.

2. В погоне за... звездой

Луна тоже имеет свои выходные дни. Командование спешит приучить нас к настоящим ночным полетам.

Я должен вводить в строй молодого пилота. Даю ему задание:

— Валетайте через минуту за мной, на развороте пристраивайтесь: ходим парой. Посадка — по моему сигналу.

Вдали на горе доменная печь бросает в открытое небо много света. Беру ее за ориентир для валета и ухожу в воздух. Вскоре поворачиваю под углом в 90 градусов, чтобы ученик лучше различал мои бортовые сигналы.

Я хорошо видел, как он поднялся. Все в порядке. Я стал держать самолет на прямой, чтобы ему легче было пристроиться.

Лечу пять минут, десять, но никакого самолета ни слева ни справа не вижу. Что за оказия? Куда его понесло?

Ночь звездная. Я напряженно всматриваюсь в мириады звезд, стараясь отыскать среди них сигналы моего ученика. Однако, попытки были тщетны. Мне так и не удалось поймать в небе блуждающих самолетных огней.

Летнаб выпустил одну красную ракету, за ней другую, третью. Но и это не привлекло внимания молодого летчика.

Меня охватила тревога: ученик мой по неопытности мог легко заблудиться в темноте, уйти далеко от аэродрома.

Полетав еще час, я приземлился и пошел доложить о происшествии.

Командир посмотрел на часы, спросил, сколько у молодца на самолете горючего, и успокоительно заявил:

— Ничего, с рассветом получим телеграмму.

Действительно, командир ошибся не намного: как только над лагерем взошло солнце, к дежурному пришла телеграмма: «Комавена. Благополучно у моста Алексина 8».

— Эге, куда забрался молодчик, — подумал я, — может быть, это национальный рекорд, а, может, международный? Ладно, я его теперь поздравлю и куплю веревку, чтобы привязывать к своему самолету!

Взяв бензин, мы с механиком вылетели и к вечеру добрались до моста, у которого с трудом приземлились. Я сразу понял, что заблудившиеся чувствовали себя неважно, особенно плохо выглядел главный виновник — летчик-наблюдатель.

Оказалось, что целый час шли они за ярким огнем. Этот огонь они приняли за хвостовой сигнал моей машины. Только на высоте 5000 метров им стало ясно, что ночью они гнались за какой-то яркой звездой. Хорошо, что солнце выглянуло во-время, чтобы посмотреть на этих весельчаков!

За незнание звездного неба я об'явил летнабу выговор, а молодому летчику посоветовал внимательнее следить за огнями природы и не путать их с навигационными сигналами боевых самолетов.

Усилим революционную бдительность! Покончим с политической беспечностью в нашей среде!

Из первомайских лозунгов ЦК ВКП(б).

К ОТВЕТУ!

На заседаниях партгруппы правления ССП, на собрании писателей, посвященном пятилетию решения ЦК партии о перестройке работы литературно-художественных организаций, на собрании московских драматургов один за другим выступали писатели и в приводимых ими убийственных фактах развертывалась, разоблачалась омерзительная картина троцкистской диверсии в литературе, организованной подлым троцкистом Авербахом и его группой.

Надо внимательно разобраться в формах и методах этой гнусной вредительской деятельности в литературе, надо понять и раскрыть до конца, какими путями велась эта подрывная работа против линии партии в литературе, надо призвать к ответу и разоблачить тех людей, которые были прямыми пособниками Авербаха или шляпами и слепцами, шедшими на его поводу.

Теперь уже всем ясно, что после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля, после ликвидации РАПП, Авербах повел борьбу против этого постановления, против Оргкомитета, созданного партией, стремясь во что бы то ни стало вновь пробраться к руководству литературой, от которого он был отстранен, стремясь вновь втереться в литературу для того, чтобы продолжать в ней свою троцкистскую работу.

Авербах приступил к созданию параллельного своего центра в литературе, стал размещать на разных ее участках свои, авербаховские, кадры, стал подрывать работу Оргкомитета. Он стремился дискредитировать Оргкомитет, развалить его с тем, чтобы, если это удастся, при помощи своих людей вернуться в руководство в качестве благодетеля, спасителя и триумфатора.

С помощью и при поддержке Ягоды Авербах примазался к созданию коллективной книги о Беломорканале, собрал группу писателей и пуская им пыль в глаза, расходуя без счета государственные деньги, хотел обеспечить себе славу блестящего организатора, «литературных дел мастера».

Киршон—ближайший друг Авербаха на протяжении полутора десятков лет—сидел в журнале «Рост», где подвизались враги народа Макарьев, Мазнин, Грудская, Коваленко и другие. Киршон, Афиногенов и их подручный Кирьянов оперировали на фронте театра и драматургии. Они прибирали к рукам секцию драматургов, Цедрам, Управление по охране авторских прав и журнал «Театр и драматургия». В журнале «Колхозник»—враг народа Крючков. В «Истории заводов»—Шушканов, в «Двух пятилетках» — Корабельников, в «Литературе мировой революции» — Бруно Ясенский, Бела Иллеш.

Такова была расстановка сил, которые во время I всесоюзного с'езда советских писателей должны были протащить Авербаха в руководящие органы союза советских писателей.

План был задуман хитро. Но он провалился. Советская литературная общественность вопреки всем ухищрениям авербаховцев отвергла Авербаха.

Среди авербаховцев были разные люди. Были среди них враги народа, которые знали о всех гнусных планах троцкистов, которые были, как и Авербах, двурушниками.

Были среди авербаховцев и политические слепцы, оказавшиеся его послушным орудием, его ширмой, его покорной агентурой. Их роль не менее вредна, не менее отвратительна.

Весь этот авербаховский клубок должен быть размотан до конца. Авербаховские соратники, входившие в его группу и ныне подвизающиеся еще в литературе, должны держать ответ перед писателями. Они должны все рассказать без утайки, что и как они делали, как они боролись против партии и ее литературной политики.

Вслед за драматургами должны собраться прозаики, поэты, критики. Авербаховщину надо вырвать с корнем, формы и методы ее раскрыть и разоблачить, вскрыть нутро авербаховских последышей.

Наша литература росла и развивалась в эти годы усилиями партии и всей советской литературной общественности, вопреки подрывной работе троцкистских диверсантов и их пособников.

Ликвидировав последствия авербаховщины, разоблачив ее конкретных носителей и очистившись от них, наша литература двинется вперед еще быстрее, семимильными шагами.

К ответу авербаховцев!

Бруно Ясенский и другие

На заседании партгруппы Правления ССП

У троцкиста Авербаха была свита верных холопов, из кожи лезших вон, чтобы вернуть своему «вождю» утраченное им влияние. Об этом с достаточной убедительностью рассказали 23 апреля на московском собрании писателей т. Юдин и Вс. Вишневский. Они разоблачили авербаховско-киршоновскую политику натравливания писателей друг на друга, дискредитирования постановления ЦК о ликвидации РАПП, пригревания враждебных партии проходимцев и шарлатанов от литературы.

Одним из вернейших проводников этой политики был Бруно Ясенский. Вместе с Бела Иллешем, Афиногеновым, Корабельниковым, Шушкановым и др. он пользовался каждым случаем, чтобы повести атаку против литературного руководства послерапповского периода, чтобы пустить в ход испытанные авербаховские приемы клеветы, издевательства, подсиживания, бесстыдного искажения фактов.

Достаточно вспомнить «знаменитое» выступление Ясенского в защиту Мирского, который, «добросовестно» выполняя заказ всей этой честной компании, охаял одного из лучших советских писателей Фадеева, не пожелавшего участвовать в антипартийной возне бывших рапповских «вождей».

Какую бешеную слюну разбрызгивал Ясенский в этом своем выступлении, с какой грубой солдафонской откровенностью он продемонстрировал тогда подлинные чувства и настроения авербаховской группки.

Но память у Ясенского, как и у его соратника Иллеша, оказалась весьма короткой.

На собрании партийной группы правления ССП (26 апреля) он изворачивался, юлил, пустил в ход всю свою ловкость и сноровку склочных дел мастера, чтобы отвести от себя обвинения в подрывной работе на литературном фронте. Больше того, он стремился доказать, что у него, мол, не было даже никаких оснований отстаивать интересы авербаховцев, так как лично он никаких «постов» при рапповском руководстве не занимал.

Ясенский напрасно, однако, рассчитывал на то, что и другие обладают столь же короткой памятью и не сумеют вескими фактами опрокинуть карточный домик его измышлений.

Ему напомнили о целом ряде похождений, в которых он показал себя интриганом, достойным своего шефа.

Ему напомнили о той вредной работе, которую проводил выходивший под его редакцией журнал «Литература мировой революции»: немалую роль сыграл этот орган в ослаблении единого фронта революционной литературы, немало он дезориентировал зарубежных пролетарских писателей в таком, например, кардинальном вопросе, как вопрос об овладении культурным наследством.

Здесь Ясенский проводил типичную для РАПП линию нигилистического отрицания прошлого, что не могло не оттолкнуть от революции многих представителей лево-буржуазной литературы.

Всплыли на собрании партгруппы и другие подробности, которые Ясенский тщательно пытался утаить. Так, выяснилась его связь с польским шпионом Домбалем, его активная помощь и содействие другим двум шпионам, добивавшимся права на в'езд в СССР, и т. д.

Выступившие на заседании тт. П. Юдин, В. Ставский, Вс. Вишневский, Ф. Панферов, Ф. Березовский, Э. Мадарас и др. дали соответственную оценку увертками Ясенского. Ни один довод этого авербаховского последыша не был признан удовлетворительным.

Наоборот, с большей остротой, чем когда бы то ни было, встает, по общему мнению, вопрос о выяснении политической физиономии Ясенского и о праве его на дальнейшее пребывание в рядах партии.

Из данных, приведенных всеми выступавшими на партийной группе, вытекает также необходимость подробно, всесторонне обследовать подозрительную практику и ряда других авербаховских приспешников, сохранявших до самого последнего времени тесную связь со своим «другом» и «покровителем».

В первую очередь, конечно, должна итти речь о таких «китах», как Киршон и Афиногенов.

Н. ДМИТРИЕВ

Семинар подхалимства

Тяжело говорить, — «дела» этих людей вызывают отвращение. Но надо говорить. Гнусный клубок вредительства троцкистских агентов в литературе, гнусный клубок деятельности Авербаха и его приспешников будет распутан до конца.

Честные советские писатели в своем творческом труде ориентируются на советский народ. Своим талантом, своими книгами они служат делу Ленина—Сталина. Они ощущают себя в боевом творческом коллективе.

Киршон и Афиногенов «ориентировались» на широкие спины тех или иных «покровителей». Так им было удобнее вершить свои грязные дела. Они губили молодых писателей, заставляя их «ориентироваться» на себя, развращая мелким покровительством, организуя целые «семинары» подхалимажа.

Их отношение к своему труду было отношением лавочников, а не художников. Когда Афиногенов на собрании говорил об этом, становилось страшно.

Афиногенов «боялся» порвать с Авербахом и Киршоном. Все они «боялись» остаться «одинокими».

Что же! Их групповые троцкистские связи оторвали их от семьи советских писателей и привели к действительному одиночеству.

Они это одиночество себе подготовили. Они шли по [illegible], и они упали в нее.

В. ГУСЕВ

Решительная борьба

Политическое преступление Авербаха, Киршона, Афиногенова и других заключается и в том, что они снизили уровень советской литературы, приучали литературную молодежь к беспринципным и бездумным вещам, порождали подхалимство, создавали затхлую атмосферу, которая особенно сказывалась в среде драматургов.

Рапповские методы еще имеют место в некоторых наших журналах.

Нужно повести с ними решительную борьбу. От нас сейчас требуется, как никогда, подлинно большевистская бдительность. Гниль вокруг Авербаха и его приспешников Киршона и Афиногенова нужно вырвать, выкорчевать для того, чтобы советская литература могла качественно и количественно восполнить тот пробел, который был причинен ими и их «работой».

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

НА ОБЩЕМОСКОВСКОМ СОБРАНИИ ДРАМАТУРГОВ

Пять лет, отделяющие нас от исторического постановления ЦК партии от 23 апреля 1932 г. о перестройке литературно-художественных организаций, прошли для советской литературы под знаком больших достижений.

Особое значение для роста художественной литературы имел факт ликвидации троцкистской вредительской линии, которую вели на литературном фронте самозванный «литвождь», ныне разоблаченный враг народа Авербах, и его наиболее активные приспешники.

Решением партии, ломавшим всяческие препоны к об'единению партийных и непартийных писателей, обеспечивалась благоприятная обстановка для расцвета советской художественной литературы, для бурного роста творческой жизни.

Но кучка авербаховцев, оставшаяся в руководящих органах союза писателей: В. Киршон, Бруно Ясенский, А. Афиногенов, Корабельников и др., всячески тормозила развитие советской литературы, стараясь задержать и отсрочить всесоюзный с'езд писателей и обеспечить в руководстве место своему «вождю» Авербаху, которому они и после ликвидации РАПП продолжали хранить верность.

Вся эта гнусная двурушническая рапповская механика была вскрыта на собрании московских драматургов, состоявшемся 27—28 и 29 апреля в ССП СССР.

Собранию предшествовало заседание партгруппы секции драматургов. На партгруппе В. Киршон изложил тезисы своего отчетного доклада, с которым он должен был выступить на собрании. Эти тезисы, явно лживые, прикрывавшие причастность В. Киршона к Авербаху и превращавшие его доклад в аполитичное выступление, не удовлетворили партгруппу, лишившую его права на отчетный доклад и предоставившую ему слово для об'яснения политической линии его поведения во время существования РАПП и после ее ликвидации.

1
Троцкист Авербах и его оруженосец

По поручению партгруппы на собрании выступил с речью Вс. Вишневский. Он подробно охарактеризовал вредительскую деятельность Авербаха, ведшего последовательную борьбу с линией партии в литературе, и вскрыл в этой деятельности роль и место В. Киршона.

Авербах — сын крупного купца. Никогда в гражданской войне не участвовал. Он издавна был в личной связи с Троцким, который инструктировал его, поощрял его деятельность и писал предисловие к его книге, вышедшей в 1923 году. В ответ на это благодарный Авербах пропагандировал на страницах журнала «На литпосту» и в своих книгах контрреволюционные писания Троцкого в немецкой печати.

Авербах осуществляет политику Троцкого, пытаясь затормозить развитие литературы охаиванием и дискредитацией таких писателей, как Д. Фурманов, А. Серафимович, В. Маяковский.

В. Киршон, находившийся в это время на партийной работе, уже был связан с Авербахом. В 1924 г., когда группа лучших писателей во всеуслышание — письмом в ЦК — заявила о своей преданности партии и советской власти, Авербах при деятельном участии Киршона повел атаку на этих писателей, нагло утверждая, что преобладающая часть «попутнических кадров» клевещет на революцию.

На всем протяжении троцкистской деятельности Авербаха В. Киршон был его ближайшим помощником и последователем в разобщении и натравливании друг на друга советских писателей.

Киршон присоединился к гнусным и невежественным «тезисам» Авербаха, которым надлежало, по мнению их автора, «повернуть партию» и открыть в литературе «налитпостовский путь». Киршон, наряду с Селивановским, Макарьевым, Мазниным, Грудской, Коваленко, Трощенко, Эльсбергом и др. авторами журнала «На литературном посту», ставшего прибежищем троцкистов, помогал Авербаху в его травле лучших писателей.

В 1927 году параллельно с активизацией оппозиционеров усиливается деятельность и Авербаха. Он, вновь проповедуя бесперспективность творчества многих честных советских писателей, выдвигает вредительский лозунг «срывания всех и всяческих масок».

Ни в дискредитации Горького, ни в нападках на Маяковского, ни в одном из последовательно выдвигаемых лозунгов Авербаха В. Киршон не занимал сколько-нибудь отличной от него позиции. Между ними не было никаких принципиальных литературно-политических, творческих и личных разногласий на протяжении 14 лет (1923—1937 гг.).

Авербах щедро платил за эту поддержку Киршону, раздувая его общественный и драматургический авторитет, продвигая апологетические статьи о его пьесах. Авербах с помощью своих помощников, и в первую очередь В. Киршона, превратил РАПП в бюрократический, всевластный центр, равный, по мнению И. Макарьева, наркомату и Культпросу. Если под нажимом «Правды» Киршон в 1931 г. и признавал свои ошибки, то пользовался всяким случаем для реванша в отношении людей, которые его в этих ошибках уличали. На V пленуме РАПП он реваншистски заявляет с трибуны о том, что организация была права в своей дискуссии с «Правдой» и комсомолом.

Наконец в 1932 г., после постановления ЦК партии о ликвидации РАПП, Авербах, вместе со всей группой троцкистов, ныне разоблаченных врагов народа, а также при деятельном участии Киршона, Афиногенова, Бруно Ясенского и др., начинает свою контрреволюционную линию, направленную к срыву решений ЦК. Начинаются закрытые нелегальные собрания, организация «параллельного литературного центра», противопоставление бывшего рапповского руководства Оргкомитету союза советских писателей.

Киршон проявляет максимальную активность для того, чтобы сохранить Авербаха «вождем литературы». Он пытается протащить его в Оргкомитет, оттянуть или сорвать по его совету с'езд писателей и, наконец, предлагает вызвать его с Урала в качестве делегата на с'езд.

Киршон создавал «опорные пункты»: сохранял в неприкосновенности редактируемый им налитпостовский журнал «Рост», аппарат, троцкистский актив, группку «молодых драматургов». Развертывалась деятельная секретная переписка с «местами», были телефонные разговоры с Уралом, где находился Авербах. Киршон и компания хозяйничали в журнале «Театр и драматургия», где подвизался со своими хвалебными статьями по адресу Киршона террорист Р. Пикель.

До последнего дня остававшийся упорным, верным и близким другом Авербаха, Киршон проводил в литературе инспирированную Авербахом тактику.

2
Киршон «кается»

В. Киршон с обычной для него развязностью начал свое сообщение полемикой с Вишневским — не все-де верно в этих обвинениях. Тем не менее он не мог не признать, что в продолжение 14 лет до последнего дня он был в близкой дружбе с Авербахом. Он признал, что между ними никогда не было никаких разногласий, что «во времена РАПП» он осуществлял литературную «линию» Авербаха, считая ее единственно правильной, а после ликвидации РАПП проводил политику сопротивления решению ЦК ВКП(б), стараясь продвинуть Авербаха в руководство Оргкомитета и сохранить в литературе.

Киршон об'яснял все свое поведение тем, что личное расположение сделало его слепцом, не видящим ошибок Авербаха, а также и тем, что Авербах маскировался, тщательно скрывая свое двурушничество.

Киршон оправдывался и тем, что все время рассматривал свою деятельность лишь в пределах области литературы, а не политики, и теперь только понял, что троцкистская тактика Авербаха выходила далеко за пределы литературы.

Однако, «методы» самокритики Киршона, пытавшегося все время умалить свои ошибки, снять с себя ответственность, сваливая ее на других, не раз вызывали неодобрительные реплики зала.

Стремление вывернуться, обелить себя вместо того, чтобы честно проанализировать весь свой путь, пронизывало всю его речь, которую никак нельзя было назвать искренней.

О ядовитой силе «авербаховской проказы», распространившейся и на писателей, окружавших «литературного вождя», говорил в своем выступлении А. Афиногенов.

Он рассказал о губительной системе отношений с людьми, на которой держалась РАПП. Ярый зажим самокритики, хамское пренебрежение к товарищу, нуждающемуся в помощи, абсолютная нетерпимость к мнению писателей, дискредитация людей, приклеивание порочащих ярлыков, заушательство и шельмование неугодных, смеющих иметь свое мнение, — вот какова была эта система, в которую сначала был втянут и которую потом проводил и сам А. Афиногенов.

Невежество в творческих вопросах, прикрытое наглой демагогией, циничной манерой сбивать оппонента острой репликой, лживые намеки на «директивы свыше» в ответ на всякую попытку противодействия, на всякое сомнение в правильности авербаховской тактики, — таковы методы подчинения своей воле и разложения, применявшиеся Авербахом.

Афиногенов рассказал о том, как разлагающая в творческом и бытовом отношении атмосфера РАПП уводила его от жизни, от партии, от честных и искренних людей, как, погрязнув в авербаховщине, он пришел к катастрофе, скатился в троцкистское литературное болото.

Потеря качеств честного большевика и советского драматурга привела к тому, что в журнале «Театр и драматургия», доверенном ему партией, он не сумел сгруппировать нужные кадры критиков и драматургов и пригрел террориста Пикеля.

3
Драматурги об авербаховщине

С большим интересом выслушало собрание речь Н. Погодина, говорившего о том, как многие драматурги на себе испытали огромный вред авербаховщины, выражавшейся во всей линии поведения Киршона и Афиногенова — руководителей драмсекции и драматургического журнала. Затирая способных драматургов, продвигая неталантливые пьесы, чтобы на их фоне более значительными выглядели собственные творения, Киршон и Афиногенов усиливали административный нажим по мере того, как снижалось драматургическое качество их произведений.

Широкие круги честных советских драматургов никогда не относились к Киршону с уважением, не считали его коммунистом.

К мнению беспартийных драматургов, к сожалению, не прислушивалось ни руководство союза, ни партийная его часть, — подчеркивает Погодин. И это, несмотря на неоднократные сигналы. Вместо того, чтобы сделать предметом своего обсуждения тот факт, что Киршона — члена партии — аудитория не пожелала слушать (на пушкинском пленуме), руководство союза поспешило «реабилитировать» его, устроив помпезную читку его плохой пьесы.

«Большой день» — не такое событие в советской литературе, чтобы устраивать его автору незаслуженную рекламу.

Погодин резко ставит вопрос о недопустимом поведении и О. Литовского, и В. Млечина, выдающих двурушничество за государственную критику и решающих судьбу драматургических произведений, исходя из неискренних, кон'юнктурных соображений.

И. Альтман в своем выступлении призывал собрание к бдительности; он предостерегал от излишней доверчивости к демагогии Киршона и декламации Афиногенова, не захотевших в своих выступлениях вскрыть всей гнусной механики в работе секции драматургов.

Альтман рассказал о гнусной возне, направленной к всемерной задержке Всесоюзного с'езда писателей, о безобразной политике — дружного заушения одних и восхваления других писателей.

Чичеров в своем резком выступлении против Киршона упрекал его в том, что тот умолчал о своих морально-политических качествах и методах общественной работы, которые делали Киршона так похожим на его друга и вождя Авербаха.

4
Практика Киршона

На собрании 28 апреля было вновь приведено немало фактов, иллюстрирующих вредную антипартийную деятельность авербаховских приспешников.

А. Глебов рассказал о том, что на квартире Коннора, впоследствии оказавшегося шпионом, у которого бывал и Троцкий, Авербах и его шайка устраивали собрания рапповцев. Сольский-Панский — близкий друг Киршона, бежавший за границу и занявший официальный пост в польской дефензиве, устроился в свое время на службу в Совкино по протекции Киршона. Об этом напомнил т. Берестинский.

Многие из выступавших подчеркнули, что вся культивируемая Киршоном и Афиногеновым система политической беспринципности, циничного двурушничества, карьеристического самовыдвижения и вредительского зажима талантов других писателей была по сути дела на практике троцкистской.

А. Файко рассказал о том, как Киршон кичился, что в отличие от беспартийных драматургов, помимо писания пьес, он повседневно занят ведением «большой литературно-политической борьбы». С кем же, спрашивается, приходилось Киршону бороться? И во имя чего?

По требованию собрания выступил председатель Главреперткома О. Литовский, сыгравший немалую роль в выдвижении Киршона и Афиногенова, пропагандировавший в свое время усердно в газете «Советское искусство» пресловутую театральную платформу РАПП.

Литовский признается в том, что неверно ориентировал советскую драматургию на Киршона и Афиногенова, значение которых было им переоценено. Но это, мол, характеризует лишь Литовского, как критика. Как руководитель Главреперткома, он ни в какой групповщине не участвовал и свой аппарат никаким групповым целям не подчинял.

Не приходится доказывать, что такого рода пояснения мало кого могли удовлетворить.

«Правильно отметил и В. Гусев, что художническое увлечение темой, творческое горение неизменно подменялись в драматургической практике Киршона карьеристическими кон'юнктурными соображениями и расчетами.

Вал. Катаев, К. Финн, Д. Сверчков и многие другие драматурги привели длинный ряд примеров того, как Киршон и Афиногенов буквально шантажировали театры, навязывая им свои пьесы, муссируя слухи о том, будто пьесы их одобрены «некими высокими инстанциями».

Троцкистские по духу методы разложения, разобщения писателей систематически применялись Киршоном и среди авторов эстрады, и среди молодых драматургов, искавших творческой помощи в секции.

— Деятельность группочки Авербаха—буржуазного проходимца, которому мы создавали авторитет, — констатировал в своей речи Ю. Либединский,—в течение последних пяти лет была основной формой троцкистской диверсии в литературе. Авербах продуманно расставил силы своих пособников на всех литературных участках: Киршон и Афиногенов орудовали в области театра и драматургии, Бруно Ясенский — на участке интернациональной литературы, Корабельников—в редакции «Две пятилетки», Шушканов — в «Истории фабрик и заводов».

Однако Киршон не разоружился и сейчас. Его высокомерное позерское спокойствие на трибуне, его «полемические», в рапповском духе, реплики с места вызвали общее удивление и возмущение участников собрания.

5
Разоблачить до конца

Это поведение Киршона заставило т. Г. Лахути вспомнить, как однажды, много лет назад, он встретил в Персии старика, который прикладывал раскаленный кусок железа к телу сына и при этом не позволял ему кричать. Оказалось, старик учил мальчишку воровать, но затем стоически отпираться от совершенной кражи. Ничем не оправданное «стоическое» хладнокровие Киршона явилось, видимо, результатом аналогичного тренажа, полученного им в «школе» Авербаха.

Г. Лахути подчеркнул: история троцкистской оппозиции показала, что злейшие враги народа, будучи призваны к ответу, всегда начинали с полного отрицания своей вины. Нужно было пред'явление неопровержимых улик, чтобы заставить их шаг за шагом признаваться в своих преступлениях. Зачем понадобилось Киршону и Афиногенову прибегать к этой тактике, вместо того, чтобы с большевистской прямотой рассказать о своей деятельности, о том, как рапповцы противопоставляли свою авербаховскую «генеральскую» линию—генеральной линии партии в литературе? Давайте до конца вести дело расследования этой вредительской деятельности,—говорит в заключение т. Лахути,—до конца и беспощадно!

6
Лисьи повадки Киршона

Большое впечатление на аудиторию произвело на заседании 29 апреля страстное выступление Н. Асеева. Вся его речь была, в основном, посвящена характеристике иезуитских методов, посредством которых Киршон расправлялся с неугодными ему лицами.

С возмущением говорит Асеев о лисьих повадках Киршона, прикинувшегося в своей речи этакой невинной Гретхен, не сумевшей разглядеть троцкистскую сущность авербаховщины вследствие своей политической слепоты. Странно слышать такие речи от человека, исходившего всегда в первую очередь из карьеристских соображений, одолеваемого необузданным честолюбием, циничного, холодно-практичного, применявшего в литературе приемы, недалеко ушедшие от приемов кемеровских вредителей.

С большим волнением слушала аудитория рассказ Асеева о том, как авербаховско-киршоновская компания травила Маяковского.

Тактику авербаховцев в отношении Маяковского Асеев расценивает, как сознательное стремление вывести из строя советской поэзии самых сильных, самых верных и честных бойцов социалистического фронта. Друзья великого поэта смутно догадывались об этом и раньше, они мучительно бились над тем, чтобы добраться до корня вещей.

Эпоха, время вносят полную ясность в дело. Клубок троцкистских преступлений разматывается до конца. Не приходится сомневаться в том, что союз писателей будет освобожден от всех разложившихся и разлагающихся элементов и в литературной среде будет создана обстановка, отвечающая характеру всей нашей действительности.

Обвиняет Киршона в вилянии, в дипломатическом замалчивании фактов своей антипартийной работы и т. Б. Левин.

— Вас обвиняют не в ошибках, а в преступлениях, — обращается Левин к Киршону. — Вы пытались противопоставить решению ЦК о ликвидации РАПП вашу собственную политику. Так извольте рассказать, в какие формы выливалась ваша антипартийная работа, где вы собирались, какие вопросы обсуждали, что предпринимали, как сговаривались, кого намечали очередной жертвой и т. д.

Б. Левин с возмущением говорит о попытках авербаховского сброда набросить тень на память великого народного писателя Алексея Максимовича Горького, зачислить его чуть ли не в свои союзники.

Нужно сейчас же разоблачить истинную сущность этой гнусной легенды. Нужно довести до всеобщего сведения, что единственного союзника свора Авербаха завербовала в лице такого же проходимца и темного человека, как они, — в лице бывшего секретаря Горького — Крючкова, ныне разоблаченного полностью и целиком.

Выступившие на этом же заседании тт. Прут, Чекин, Гайдовский, Чалая, Павлюченко сообщили ряд дополнительных фактов о хозяйничаньи Киршона в драмсекции, где он систематически устраивал своих людей. Так он приобщил к драматургической среде своих соратников по журналу «Рост» — Гинзбурга, Кирьянова, пытался устроить в драмсекции консультантом по творческим вопросам своего личного секретаря С. Левина, круглого невежду и бесстыднейшего подхалима, ставшего нарицательным именем среди драматургов.

О том, как понимали Киршон и его свита самокритику, свидетельствует следующий весьма любопытный факт: драматурга Чекина после того, как он резко выступил на общемосковском собрании писателей против Киршона, в течение долгого времени ежедневно терроризировали по телефону всяческими угрозами какие-то анонимы, требовавшие от Чекина отказа от его разоблачений.

С жалкой и беспомощной речью, все время прерывавшейся саркастическими репликами из зала, выступил начальник Мособлреперткома В. Млечин.

Млечину было пред'явлено серьезное обвинение — в беспринципности, в угодливой политике по отношению к Киршону и Афиногенову, в дискредитировании себя как руководителя репертуарного комитета и т. п. И вот человек, призванный осуществлять репертуарную политику, не нашел ничего лучшего, как смущенно лепетать о том, что он находился под гипнозом имени Киршона, что он «к сожалению, не разобрался в плохих пьесах Киршона и Афиногенова», «к сожалению, не высказал в печати своего мнения о «Чудесном сплаве», хотя считал его плохой пьесой», «к сожалению, не шел в своих конфликтах с Главреперткомом дальше личных бесед с Литовским» и т. д. и т. п. все в этом духе.

Под напором аудитории Млечин вынужден был признать, хотя и косноязычно, заикаясь, противореча себе в каждой фразе, что репертуарные органы всячески «проталкивали» пьесы Киршона и Афиногенова, что под влиянием Литовского, входившего в жюри драматургического конкурса, «Чудесный сплав» Киршона был в свое время премирован и т. д.

Выступление Млечина вызвало негодование всех присутствовавших на собрании драматургов. Вот почему они встретили аплодисментами и возгласами одобрения предложение Вс. Вишневского — обратиться в партийную организацию с просьбой о расследовании действий Литовского и Млечина.

Продолжение прений состоится 3 мая.

Король давно голый

Пять лет назад советские писатели встретили решение ЦК о ликвидации РАПП, как событие огромной важности и всемерно приветствовали его.

Между тем значительная часть рапповцев продолжала оставаться на руководящих постах в литературе, на протяжении пяти лет всячески злоупотребляя оказанным им доверием.

Здесь будет уместно вспомнить о фольклорной покойнице щуке, зубы которой остались жить.

Отдаем ли мы себе ясный отчет, каковы размеры влияния авербаховцев на поступательный ход советской литературы в целом, какой отпечаток прямо и косвенно налагал на советскую литературу этот человек?

Деятельность авербаховской группки была связана с «блатом» в литературе, с хождением литературных произведений не «по номиналу», а по искусственно вздутой «цене». Как следствие этого происходит безнадежная порча советской актуальной тематики, зачастую халтура на актуальную тему с легкостью принимается у нас всерьез.

Отчего же запаздывает, чего смотрит наша критика?

Очевидно, рапповский рецепт — «критик не должен быть искренним и высказывать свое личное мнение» — оказал известное влияние на критиков, писателей, работников издательств, сыграл свою пагубную роль в писательском быту.

События лишний раз доказывают необходимость немедленной коренной перестройки работы союза. Эта перестройка в частности должна пойти по линии очищения писательских рядов.

Подрывной работе авербаховцев благоприятствует засоренность союза писателей людьми окололитературными.

Надо отобрать в центре и на местах все наиболее даровитое, честное, работящее. Вспомните золотые слова Ленина: «лучше меньше, да лучше».

ГЕОРГИЙ ШТОРМ

В ответе — и наша критика

История с Киршоном — это прежде всего серьезный сигнал для союза писателей.

Не поразительно ли, что президиум союза, который немало сделал для прославления Киршона и постоянно замалчивал всем известные факты деятельности этого драматурга, внезапно прозрел и сотрясает теперь своды огненными филиппиками.

Киршоновщина есть результат работы необ'ективных, лицеприятных критиков, которые ничего не смыслят в искусстве.

Это трусливая критика, критика с оглядкой, критика, не имеющая ни собственного голоса, ни собственной мысли. Это критика, которая не любит искусства, боится произвести первую ответственную оценку, насаждает «гениев», которые лопаются, как мыльные пузыри.

Разделение литераторов на тех, кого бить позволено и кого не позволено бить — вот библия таких критиков. В этой атмосфере легко было жить и цвести Киршону. Он попросту — сплетнями, хлестаковщиной — убедил всех, что критике не подлежит.

В создании такой атмосферы, в создании списка писателей, которых можно критиковать, и списка писателей, которых критиковать нельзя, — виновен в большой степени союз писателей.

Е. ГАБРИЛОВИЧ

Разоблачить мнимых корифеев!

«Монументальные», но дутые фигуры двух «властителей дум» уменьшались у нас на глазах. Воздух славы стремительно покидал их... И мы увидели двух марионеток, за которыми явственно поблескивал лысый череп «литвождя»—Авербаха.

Во время речи Афиногенова жутко было наблюдать, как за мелодраматическими жестами стройного джентельмена проступает самовлюбленный мещанин.

Всем писателям жизненно важен общественный суд над авербаховщиной, происходящий в секции драматургов ССП.

Нанесен серьезный удар по методам административной шумихи и наглой саморекламы. Благодаря этим методам бледные, но ловкие эпигоны плотно укладывались в знаменитые «обоймы», так вредящие развитию нашей литературы.

Мне кажется, необходима общественная проверка литературной весомости еще ряда мнимых корифеев, созданных усилиями троцкистов: Авербаха и Воронского.

Нам нужно до конца разоблачить всех бюрократов — разлагателей литературной среды, мешающих расти и работать честным советским писателям.

НИК. ПАНОВ

В ленинградском ССП

ЛЕНИНГРАД, 29 апреля. (По телефону от нашего корреспондента).

Партийная группа правления ленинградского отделения союза советских писателей обсудила статьи «Правды» и «Литературной газеты» о вредительской деятельности Авербаха и его пособников. Решено созвать специальное собрание, посвященное этому вопросу. Собрание намечено на первые числа мая. С докладом выступит ответственный секретарь ССП СССР т. Ставский.

Аналогичное постановление вынесло вчера вечером правление ленинградского союза.

Рис. П. КАРАЧЕНЦОВА.

Канал Волга—Москва—величайшее сооружение сталинской эпохи

С. ФИРИН

О чем писал Горький каналоармейцам

1.

Совершенно особое место во взаимоотношениях Горького с каналоармейцами занимает его переписка.

Его письмо первому вселагерному слету ударников-тридцатипятников Дмитровского лагеря произвело на делегатов слета ошеломляющее впечатление.

Необычными были адресаты этого письма — вчерашние бандиты, имеющие за плечами по десятку судимостей. На этом фоне еще более необычен был автор этого письма — писатель с мировым именем.

Вот это письмо, обращенное к слету:

«Если каждый из вас спросит сам себя: что привело его в тюрьму? — честно обдумав этот вопрос, он ответит одним словом: собственность.

Вы видели, что огромное большинство крестьян и рабочих живет каторжным трудом и полуголодной жизнью, стремясь всеми силами, но безуспешно, заработать какую-нибудь собственность, которая избавила бы его от нищеты и голодной смерти. Рядом с этим видели вы, что ничтожное меньшинство богатых собственников живет трудом рабочего народа сытно и радостно.

Это явное и позорное противоречие внушило вам подленькую мыслишку: дурак тот, кто трудится. Может быть, не многие из вас так думают, но почти все вы наверное чувствовали именно так. Если бы у вас хватило разума додумать эту мысль до конца, она приняла бы такую форму: глупо тратить силы свои в работе на богатых людей.

Поняв это, вы тоже попали бы в тюрьмы, но уже как честные революционеры, классовые враги богатых, а не как люди, которые тоже хотели жить и жили чужим трудом, как паразиты, точно так же, как и являлись богатые люди, сосавшие кровь рабочего народа. 17 лет тому назад рабочий народ вышвырнул из жизни помещиков, фабрикантов, торгашей. Теперь хозяевами земли нашей со всеми ее сокровищами, хозяевами фабрик и заводов является весь трудовой народ. Помещиками становятся колхозники, фабрикантами — сами рабочие. За семнадцать лет они сказочно обогатили нашу страну новыми фабриками, которые работают не на кучку богатых, но на все 170 миллионов людей Союза Социалистических Советов.

Помещики и фабриканты не заботились о том, чтобы строить такие сооружения, как Беломорско-Балтийский водный путь, канал Москва—Волга, Каспийско-Азовский канал, электрифицировать всю страну и вообще переделать, изменить ее так, чтобы все 170-миллионное население и вы в том числе жили сыто, богато, грамотно, легко и весело.

Пора вам, ребята, понять, что, воруя теперь, в наши дни, воруют у государства, что сегодняшние воры — враги уже не маленькой кучки крупных грабителей, а враги 170 миллионов рабочих и крестьян, которые героически создают новое, небывалое в мире государство.

В этом государстве честных тружеников не может быть места ворам, лентяям, лодырям и всяким паразитам трудового народа. Чем скорее вы поймете это, тем лучше будет вам, тем быстрее примет вас в свою семью 170-миллионный талантливый, героически создающий новую жизнь, великий, разноплеменный народ Союза Социалистических Советов. Желаю вам успеха и бодрости в вашей большой работе.

1 июня 1934 г.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ».

После этого десятки бывших воров и бандитов говорили, что письмо Горького заставило их впервые и всерьез призадуматься над прошлой жизнью и над своим будущим. Не подлежит никакому сомнению, что обращение Алексея Максимовича сыграло для многих из этих людей огромную воспитательную роль.

2.

Помню женский слет каналоармеек Дмитлага в день 8 марта 1935 года. В Яхромском клубе строительства собрались лучшие ударницы канала, вчерашние воровки, бандитки — сегодняшние героини труда на величайшей стройке страны. Было во время этого слета много незабываемых минут. Но самым лучшим, самым ярким, самым радостным воспоминанием для всех остались минуты, когда зачитывалась телеграмма Максима Горького ударницам-каналоармейкам.

«...Ваша работа еще раз показывает миру, как прекрасно действует на человека труд, осмысленный великой правдой большевизма, как чудесно организует женщин дело Ленина—Сталина».

Делегатки слета, затаив дыхание, слушали приветственные слова любимого писателя.

«...Вашей работой вы хороните проклятое прошлое,—всей душой желаю вам поскорее пережить настоящее и сохранить силы ваши для строительства будущего, — будущего, когда, вы, свободные, познавшие великое значение социалистического труда, примете участие в деле дальнейшего украшения и обогащения вашей родины. Сердечно приветствую, почтительно кланяюсь.

М. ГОРЬКИЙ».

Когда замолкли последние слова «сердечно приветствую, почтительно кланяюсь», в притихшем зале раздались заглушенные рыдания. Это были потрясающие минуты, оставившие у всех неизгладимое впечатление.

3.

В лице Алексея Максимовича лагерная литература потеряла своего верного и горячего друга. Он знал наперечет лучших литераторов, выявленных в лагере. Знал их биографии, интересовался их личными склонностями, помогал их творческому росту. Именно ему мы обязаны тем, что целый ряд поэтов и прозаиков Дмитлага не затерялся в общей массе и был своевременно выявлен. В первых, зачастую беспомощных и ученических опытах начинающих каналоармейских писателей он умел находить искорки таланта, зерна больших способностей. Так он со свойственным ему чутьем и зоркостью уже в первых строчках молодого каналоармейца поэта Владимира Пузырева увидел ростки поэтического дарования.

Еще ранее Алексей Максимович таким же образом остановил свое внимание на каналоармейских поэтах Жигульском и Могилянской, принятых недавно в Союз советских писателей. Горький считал их в числе наиболее способных писателей каналоармии. Он чутко следил за их ростом и старался им всячески помочь и справедливой критикой, и дружескими советами, и высокой похвалой. Так, в одном из писем в 1935 году Горький прямо называет стихи Могилянской отличными.

Николаю Жигульскому он еще больше помог. Его рассказ «Мятель» Алексей Максимович лично и с обычной для него тщательностью выправил для печати. Вся рукопись этого рассказа Жигульского испещрена любопытными поправками Алексея Максимовича. Некоторые поправки он тут же на полях об'ясняет: «Бирюзу не гранят, а шлифуют», «Ему, врагу, плохое и надо». А на заглавном листе — ободряющая молодого писателя надпись.

Говоря о литературе, Алексей Максимович никогда не делал никаких скидок никому. Будучи самым чутким и внимательным к нашей литературной молодежи, он был в то же время ее самым требовательным и строгим критиком.

Образцом такой высокой требовательности и прямоты является последнее письмо, написанное Горьким незадолго до смерти и посвященное внимательнейшему разбору повести бывшего вора Михаила Брилева «Уксус».

«Повесть Брилева написана с хорошими намерениями, но очень плохо: по отношению к материалу — поверхностно, по отношению к форме — неумело» — писал он в этом письме.

«Поверхностное отношение к материалу выразилось в том, что автор, затеяв изобразить историю перерождения социально опасного человека в социально полезного, хотел показать его человеком сильной воли, способным на упорное и длительное сопротивление «перековке» трудом, воспитанию правдой, а показал сильную волю героя только в готовности его обнаруживать свою физическую силу — бить по морде, стрелять и т. д. Если бы «Уксус» был действительно человеком «сильной воли», так тогда слова: «кадры решают все» должны бы углубить и обострить его враждебное отношение к обществу, должны бы вызвать у него гордую мыслишку: «Кадры! Ага, нехватает толковых людей. Ну, не я буду увеличивать кадры». Ведь автор на шестой странице рекомендует героя как человека недюжинного, способного и, значит, индивидуалиста самодовольного. Сознание, что жизнь «искалечена», приписано герою облыжно и неуместно...

Это чистейший и наивный произвол Брилева, об'ясняемый его неумелостью, непониманием действительных чувствований и отношений человека.

Автор забыл дать картину труда на канале и рассказать о приемах «перековки», в число которых следует внести и работу культбригад и разнообразную самодеятельность в лагере, несравнимо более интересную, разнообразную, чем развлечения «на воле» в шалманах и т. п.

Агенты угрозыска и чекисты чрезмерно подсахарены и — не живые. Автор не умеет писать фигуры людей, их внешний вид. «Неожиданный» роман с Броней кажется читателю неожиданностью и для автора. Настя является тоже неоправданной, и вообще все в повести — непродуманно, бессвязно, случайно.

По первым штрихам рисунка «Уксуса» читатель вправе ждать, что энергичная его натура на первых порах изоляции в лагере должна будет испытать тяжелую скуку, унизительность положения в процессе стройки, скука заставит «Уксуса» взяться за работу с целью вредить ей, но под влиянием работы и постепенно понимая ее смысл, увлечься ею. Его увлечение замечено, на него обращено внимание, с ним говорят о подлинных врагах жизни, в нем пробуждают чувство классовой ненависти...

Очень плохо, неубедительно написано, как его хотели убить, совершенно непонятно его пассивное подчинение «закону», и вдруг — проснувшееся чувство самозащиты, желание борьбы. Все необоснованно, вся повесть читается с досадой: человек портит отличный материал.

Вот что я могу сказать о повести, к сожалению, — только это...»

На 74 листах повести Брилева цветным карандашом разбросаны критические заметки великого писателя. Надписи сделаны дрожащей рукой смертельно-больного человека.

4.

Смерть Горького облекла всю нашу стройку в траур. Каналоармейцы, лагерные писатели, заботливо и сердечно выращенные бессмертным певцом пролетариата, отозвались на эту невознаградимую утрату потоком воспоминаний, стихов, составивших материал для целого литературного сборника.

Горький прожил изумительную жизнь борца за коммунизм, за светлые идеалы человечества. До последних дней своих он сохранил бесконечно чуткое и кристально чистое сердце. Он был личным другом Ленина и Сталина. Он жил, трудился и боролся во имя высоких идеалов бесклассового коммунистического общества. Ему посчастливилось дожить до той минуты, когда заветная мечта всей его жизни воплотилась в прекрасную действительность нашей счастливой родины.

А. МАКАРЕНКО

Несколько часов на канале

Впечатления

128 километров трассы канала, и на этом протяжении чего только нет: шлюзы, насосные станции, плотины и дамбы, мосты, гидростанции, электростанции, подстанции, аванпорты, пристани, гавани, водосбросы и водоспады, туннели...

Все это грандиозное дело совершено в четыре года.

Вдумайтесь в этот срок, и для вас станет ясной величина напряжения человеческого гения и человеческого труда.

Вспомните, сколько десятилетий строился Панамский канал и с какими неприличными скандалами, недаром его именем называют сейчас всякое мошенничество больших масштабов.

Канал Волга — Москва — дело колоссального размаха и колоссального успеха, дело нескольких тысяч инженеров и целой армии строителей.

Бедный журналист стоит перед этим величием и пытается охватить его взглядом, — затея самая безнадежная... Тогда журналист берет за пуговицу какого-нибудь доброго местного деятеля и просит:

— Расскажи!

А рука уже судорожно сжимает блокнот.

Многие «собственные корреспонденты» живут в Дмитрове по целым неделям, ходят, смотрят и пишут.

Мельком я слышал:

— Говорят, на теплоходах десять журналистов из Горького едут!

*

Мы проехали вдоль канала на машине от Дмитрова до шестого шлюза и дальше. Это, вероятно, немного, всего километров пятнадцать.

Но канал уходит вдаль в ту и в другую сторону, в далекую даль уходит за ним и первая эмоция.

В первый момент поразил меня даже не сам канал.

Поразило меня лицо природы.

Здесь природа представляется в чрезвычайно жалком виде.

Она глядит на вас вскопанным, взорванным, исковерканным и вывернутым лицом.

На десятках и сотнях квадратных километров вы видите следы и последние судороги страшной схватки.

Десять минут назад вы видели знакомое и даже милое, улыбающееся солнечное спокойствие, зеленую улыбку природы, уютные щетинки рощ, повороты оврагов и нетронутую березовую чистоту.

Ранней весной все это сильно пахнет Нестеровым, примирением, чуточку небесами, немного слезой.

Правда же, вам знаком этот милый комплекс. Мы, старики, очень хорошо разбираемся в нем.

И вдруг... нет комплекса!

Перед вами обнаженное мясо земли, ярко-рыжие навалы глины, вз'ерошенные остатки рощ. Все это покрыто бесконечным в пространстве прибоем строительной волны.

Подальше высятся еще в лесах башни и кубы сооружений канала.

Но пройти к ним невозможно: целые штабели металла и дерева, балок, рельс, прутьев, огромные площадки, заваленные самым разнообразным добром ,от аккуратных крытых цементных баз, до бесформенных нагромождений обрезков, опилок, остатков, каких-то ведер, каких-то мешков.

Бой с природой еще не окончен, еще на этих полях кипит работа, копошатся люди, с трудом поворачиваются лошади, по неожиданным, кривым и ухабистым дорожкам снуют сотни пыльных уставших грузовиков.

Но над бетонной башней насосной станции уже реет знамя победы — красный флаг СССР.

Наш газик выскакивает из строительного хаоса, поднимается по шоссе на вздыбленный над равниной новенький чугунный мост и... перед нами до самого горизонта живая, полная дыхания, наша родная, величественная Волга. Она уходит от нас аккуратной веселой лентой, вовсе не такой узкой, как казалось по газетным фото.

Действительно, ее ширина в канале — 85 метров по зеркалу. Это не так мало. Кто понимает в метрах, тот сразу себе представит.

*

Да это Волга... Конечно, она здесь очень смирненькая, здесь невозможны никакие шутки и капризы, никакие перекаты и «Телячьи броды», здесь никто не позволит ей вихлять из стороны в сторону и закручивать петли в 200 километров, как это она позволила себе сделать под Самарой.

Человек, положивший природу на обе лопатки, пригласил Волгу пожаловать к городу Дмитрову и дальше к Москве.

Всякие отговорки ее и уверения, что на такую-то и такую-то горку она взобраться не может, не возымели действия. Мы ей предложили:

— Мы можем «подсадить»... Пожалуйста! На восемь метров!

И «подсадили». Потом еще на восемь. А всего к шлюзу № 6 «подсадили» на 45 метров— легко сказать — Волгу. От шлюза № 6 до шлюза № 7, на протяжении больше чем 50 километров, Волга держится на такой высоте.

А потом мы помогаем ей осторожно спуститься к Москва-реке. Собственно говоря, у нее нет оснований для недовольства. Она мирно покоится в уютных берегах канала. По ее поверхности под весенним ветром уже побежали тоненькие волны и уже успели нарядиться веселыми гребешками.

*

Но мы проезжаем три-четыре километра, и перед нами снова хаос борьбы, снова развороченные мускулы земли, снова склады, краны, насыпи, обрывы, откосы и отбросы, снова в центре хаоса высятся бетонные башни «узлов», снова видим над ними победные флаги.

Иногда в этом хаосе дрожат и прижимаются к случайному сараю две-три уцелевших березки.

Но во многих местах мы видим советских людей за новой работой.

Бой с природой окончен, побежденная земля уступила поле битвы, побежденная Волга пошла туда, куда приказал ей человек. И победитель приступил к украшению природы.

На многих площадках уже протянулись новые древесные насаждения, берега канала почти везде обложены дерном и не как-нибудь, а «в решетку».

Древние овраги и поля смотрят на эту красоту с удивлением, никогда природа неспособна была на такие узоры.

Сотни грузовиков вывозят с полей битв ненужные вещи: трупы павших грунтов, изломанное в бою оружие, рассыпанные кругом залежи праха.

У Дмитрова, на канале — пароход «Плеханов». Это буксир, которому поручили протралить канал. Он неуклюже поворачивается в канале, и эта неуклюжесть кажется неестественной: в канале так просторно...

Мы обгоняем пароход на белоголубом катере «Чекист».

Высаживаемся, чтобы с берега посмотреть шлюзование.

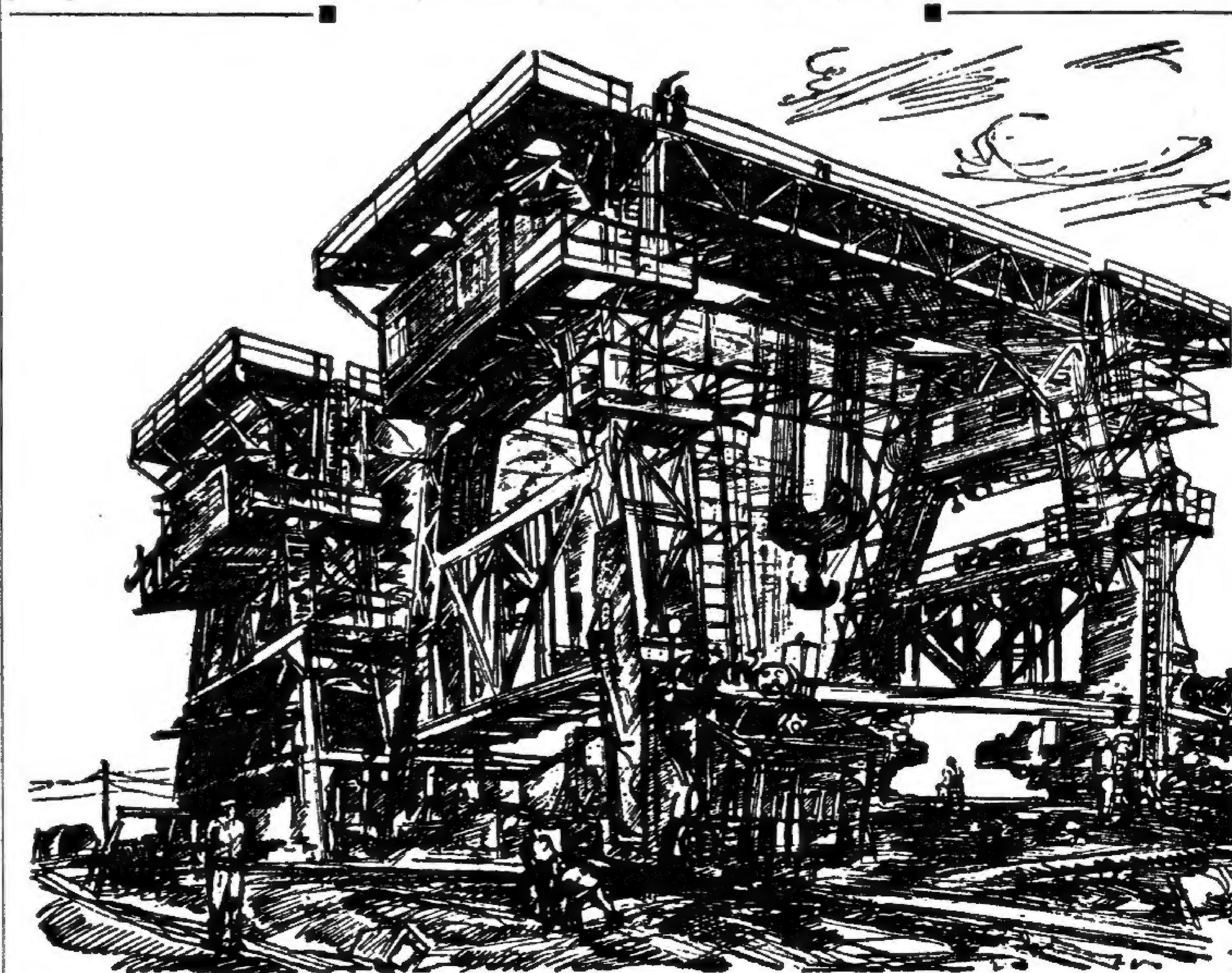
«Плеханов» как раз входит в «камеру» шлюза.

Тысячи людей со всей строительной площадки бросились к камере. Побежали и мы.

Впереди закричали «Ура!». Взбираться на еще неотделанную глинистую горку довольно трудно.

Нас обгоняет пожилой бородатый рабочий и говорит сам себе, задыхаясь от бега:

«Дождались! Эх... смотри, дождались!

«Монтаж портального крана Волжской плотины». Рис. худ. В. Елкина.

А. СУРКОВ

ВОЛГА ПРИШЛА В МОСКВУ

В этот солнечный день отражает река
Просветленные радостью лица,
Всплески волжской воды, переливы гудка
Слушай, красная наша столица.

Где вчера еще гулко гудел аммонал,
И вгрызались в грунт мониторы,
Наша гордость — Волго-московский канал
Синей сталью прорезал просторы.

Подчиняясь приказу нашей руки,
Вопреки законам природы,
По шлюзам, сквозь леса и торфяники,
Поднимаются волжские воды.

С нашей армией радость победы деля,
Их встречают солнечной песней
И Перерва, и древние стены Кремля,
И Нескучный, и Красная Пресня.

Мы столице отчизны своей молодой
И вождю трудового народа
Рапортуем сегодня волжской водой,
Первым звонким гудком парохода.

Слушай песню поволжскую, Сталин родной,
Слушай шелест знамен величавый.
Это имя твое гремит над страной
Нашей радостью, честью и славой.

Не иссякнет энергии нашей порыв,
Мы не ждем передышки и смены.
Пять морей принесут дорогие дары
Под кремлевские древние стены.

Хроника искусств

* **Юношеские и детские кинокартины** готовит к выпуску «Союздетфильм». Режиссер — орденоносец т. Шнейдеров заканчивает приключенческий фильм «Ущелье Алмасов» по сценарию М. Розенфельда. Другой приключенческий фильм — «Остров сокровищ» по Стивенсону (сценарий О. Леонидова) — ставит режиссер В. Вайншток. Режиссер И. Савченко снимает картину «РВС» по повести Гайдара «Военная тайна». Фильм «Белеет парус одинокий» по одноименной повести В. Катаева ставит В. Легошин. — В ближайшее время начинается постановка фильмов для дошкольников: «Знатные дети нашей страны», «Айболит», «Мы с приятелем», «Человек рассеянный» и др.

* **Свыше двухсот народных песен и танцев**, в исполнении украинской капеллы «Думка», ансамбля бандуристов и Еврейского вокального ансамбля, записано на пластинки Грампластрестом.

Поправки

В прошлом номере «Литературной газеты» в отчете т. Дельмана «На секретариате ССП СССР» по недосмотру допущена грубая описка: вместо «750-летия смерти Руставели» нужно читать «750-летие рождения Руставели».

В том же номере, в статье М. Шагинян «Билет по истории» по вине типографии и корректуры неправильно заверстан текст билета, вытянутого Владимиром Ильичем Ульяновым-Лениным на экзамене по истории в Симбирской гимназии. Билет этот должен стоять в третьей колонке, после абзаца «Вот он»:

Извещение

4 мая в 18 часов в ДСП состоится собрание секции поэтов. Повестка дня: выборы бюро секции поэтов.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-81.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоч. Главлита В—26123.
Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.